

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации Северный филиал
(г. Петрозаводск)

**ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА:
НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы международной научной конференции

**19 – 21 июня 2009 г.
г. Петрозаводск, Республика Карелия**

Москва
2009

При поддержке Программы
Президиума Российской Академии наук
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Редакционная коллегия:
Н.Л. Пушкарева (ответственный редактор), М.Г. Муравьева,
Н.В. Новикова

Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. 19 – 21 июня 2009 г. г. Петрозаводск, Республика Карелия / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Российская ассоциация исследователей женской истории. М.: ИЭА РАН, 2009.

ISBN

Издание включает в себя материалы международной научной конференции, проведенной в Петрозаводске 19 – 21 июня 2009 г. по инициативе Российского национального комитета «Международной федерации исследователей женской истории» – РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории, www.rarwh.ru).

Материалы конференции позволяют составить представление о путях развития и становления актуального научного направления – женских и гендерных исследований в науках о прошлом, о сложностях и противоречиях, возникающих в рамках этого нового научного сообщества, а также о том вкладе, который способны внести российские историки женщин в деятельность «Международной Федерации исследователей женской и гендерной истории», созданной в 1989 г.

УДК
ББК

© Коллектив авторов, 2009
© ИЭА РАН, 2009

**Женская и гендерная история Отечества X – XXI вв.:
новые проблемы и перспективы**

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Женщина в семье. Семейные гендерные роли.

Аргудяева Ю.В. (Владивосток) Традиционная семья и семейный быт казачки на Дальнем Востоке.

Белова А.В. (Тверь) Мать и дочь в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.: конфликт идентичностей.

Власкина Т.Ю. (Ростов-на-Дону) Статус матери в донской казачьей общине (конец XIX – начало XX в.).

Грек Н.В. (Саратов) Материнство, родительство, детство: трансформация взаимоотношений семьи и государства в России XX – начала XXI в.

Гуля Л.М. (Новгород) Материнский капитал и репродуктивные стратегии молодых женщин Великого Новгорода.

Егорова О.В. (Чебоксары) Образ бабушки в традиционной культуре чувашей.

Жигунова М.А. (Омск) Русская женщина в Сибири: основные функции в современной культуре.

Зайцева С.В. (Санкт-Петербург) Проблемы призрания незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Золотухина М.В. (Москва) Отчаянные «отчаявшиеся домохозяйки» как отражение «Американской мечты»: кривое зеркало.

Илюха О.П. (Петрозаводск) Материнство и детство в Карелии в фотообразах конца XIX – начала XX в.

Иванчина О.А. (Саратов) Трансформация социокультурных параметров современной чувашской женщины в городской среде.

Калачева И.И. (Минск, Белоруссия) Семейно-брачные отношения в традиционной и современной белорусской семье.

Колесникова В.Л. (Белгород) Семья, дом и узы родства представителей духовенства Курской и Тамбовской губерний второй половины XIX – начала XX столетия в православных традициях и исторических реалиях.

Коляскина Е.А. (Бийск) «По себе»: представления о хорошей невесте русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой трети XX в.

Котовская М.Г. (Москва) Женщины в межнациональных браках. Новые тенденции и формы.

Мадюкова С.А. (Новосибирск) Социокультурные функции обрядов жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири).

Мухина З.З. (Старый Оскол) Социализация девушки в русской крестьянской семье XIX – начала XX в.

Оноприенко И.Г. (Белгород) Значение материнства в провинциальной дворянской семье в XIX в. (на примере Центрально-Черноземного региона).

Попова Л.А. (Сыктывкар) Особенности брачно-семейного поведения коми женщины.

Скорик А.П. (Новочеркасск) Система традиционного воспитания девочки-казачки в среде донского казачества.

Текуева М.А. (Нальчик) Кавказский адюльтер: мифы и реальность.

Фатыхов С.Г. (Челябинск) Мать-прародительница – кто она?

Чикалова И.Р. (Минск, Белоруссия) Белоруска в СССР: от гендерного контракта женщины-домохозяйки к контракту работающей матери.

Шалыгина Н.В. (Москва) Ценностные ориентации современных девушек в РФ (новейшие тенденции в полоролевых установках молодежи).

Секция 2. Женщины в политике.

Формы женского общественно-политического участия.

Бойченко Л.Д. (Петрозаводск) Женщины в политике: все за и против системы квот.

Заболотная Л.П. (Кишинев, Молдова) Женщина в политике в

средневековой Молдове. Общее или особенное?

Казакова-Апкаримова Е.Ю. (Екатеринбург) Роль женщин в деятельности городских общественных организаций на Урале во второй половине XIX – начале XX в.

Кашу-Софиан Д.А. (Кишинев, Молдова) Жизнь А.М. Коллонтай как отражение женской эмансипации.

Кись О.М. (Львов, Украина) Коллизии традиционный женственности в национально-освободительном движении на Западно-Украинских землях в 1940-50-х гг.

Коваленко С.В. (Владивосток) Патриархатные стереотипы в женской повседневности в контексте советской тоталитарной идеологии.

Козлова О.А. (Самара) Наталья Кирилловна: мать Петра Великого и Государыня Всероссийская.

Никонова И.Е. (Барнаул) Патриотизм как черта русского женского национального характера (размышления о его оценке в американской историографии).

Новикова Н.В. (Ярославль) «Национальный вопрос» в женском движении России начала XX в.

Покотилова Т.Е. (Ставрополь) Российские женщины в организованном благотворительном движении в конце XIX – начале XX в.

Радина Н.К. (Нижний Новгород) Женщины-руководители: «дежа вю» пост-советского периода.

Реут О.Ч. (Петрозаводск) Российский медийный дискурс феминизации американской внешней политики.

Савчук А.А. (Владивосток) Женотделы на Дальнем Востоке как инструмент вовлечения женщин в политику: цели, пути реализации и результаты.

Солодянкина О.Ю. (Череповец) Модель образования с гувернанткой в дворянских семьях (конец XVIII – первая половина XIX в.).

Сулейманова Р.Н. (Уфа) Общественный быт и статус башкирской женщины.

Фалько Е.И. (Москва) Екатерина Николаевна Щепкина (1854–1938): жизнь и творчество.

Шатохина С.Б. (Белгород) Мотивация образованной женщиной

российской провинции своего пути из семьи в профессию во второй половине XIX в.

Шафигуллина Л.Р. (Казань) Женщины в Государственном Совете Республики Татарстан (1995 – 2009 гг.): избирательные кампании и парламентская деятельность.

Юкина И.И. (Санкт-Петербург) Формирование коллективной гражданской идентичности русских женщин как феминистский проект 1880-е – 1917 гг.

Якушкина Е.И. (Воронеж) Роль женских организаций г. Воронежа в реализации принципа равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

Секция 3.

Труды и дни. Женский труд и женская повседневность.

Белова Н.А. (Кострома) Быт и уровень жизни провинциальных учительниц 1920-х гг. (на материалах Костромской губернии).

Волкова Е.Ю. (Кострома) Особенности предпринимательской и благотворительной деятельности женщин в XIX в. (на примере Костромского края).

Жидкова Е.М. (Самара) Уроки труда в советской школе: гендерный аспект (динамика изменений предмета, учебного текста и идеологической подоплеки в организации уроков труда для девочек).

Литвин Ю.В. (Петрозаводск) Женщины российского Севера в публикациях путешественников и исследователей конца XIX — начала XX в.

Лыткина Т.С. (Сыктывкар) Дом и домашняя работа в условиях гендерной трансформации.

Панкова-Козочкина Т.В. (Новочеркасск). Борьба с алкоголизмом в южнороссийской деревне 1920-х гг.: гендерный аспект.

Пулькин М.В. (Петрозаводск) На старте эмансипации: происхождение женских поведенческих стереотипов в XIX – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии).

Семенова Т.В. (Чебоксары) Особенности интервьюирования чувашских женщин в сельской местности в современных условиях.

Старченко Г.И. (Белгород) Женщина-крестьянка в опекунских мероприятиях сельских обществ конца XIX – начала XX в. (по материалам фондов Государственного архива Белгородской области).

Секция 4.
Предотвращение насилия в отношении женщин и торговли людьми.

Бабич И.Л. (Москва) Женщина на Кавказе и доступ к правосудию на Кавказе (история и современность).

Бойченко Л.Д. (Петрозаводск) Становление международного права по вопросам предупреждения торговли людьми (к 100-летию Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами, Петербург, 1910 г.).

Гафизова Н.Б. (Иваново) Борьба с проституцией и торгом женщинами в конце XIX – начале XX в.: опыт взаимодействия женского движения и структур власти.

Ерохина Л.Д. (Владивосток) Торговля женщинами: что изменилось в деятельности НПО и правоохранительных институтов.

Кулажникова С.С. (Владивосток) О перспективах противодействия торговле людьми в современной России.

Меньшикова Е.Н. (Белгород) Преступность в женской среде купеческого сословия Центрального Черноземья в 60 – 90-х гг. XIX в.

Муравьева М.Г. (Санкт-Петербург) Супружеское насилие в России XVIII века

Нижник Н.С. (Санкт-Петербург) Социальный контроль и женское девиантное поведение: проблемы коэволюции форм в Российской империи

Пушкарева Н.Л. (Москва) «Стыд и позор» (к истории позорящих наказаний для женщин в России от древности до современности).

Сазонова Л.А. (Владивосток) Проблема женского нонконформизма в русской культуре.

Щербинин П.П. (Тамбов) Девочки-проститутки в начале XX в.

Секция 5.

О них так много говорят: образы женщин в русской философии, литературе, мемуаристике, искусстве и их реальные носительницы.

Канныкин С.В. (Старый Оскол) В.В. Розанов и Н.А. Бердяев: пол рождающий и пол творящий.

Митина Н.Г. (Владивосток) Утопия женского равноправия в практике российских христианских общин (на примере Христианского Братства Н.Н. Неплюева).

Нальчикова Е.А. (Нальчик) Публичное обнажение в адыгском обществе.

Реброва И.В. (Краснодар) Объективация субъекта: воспоминания женщин о своем участии в Великой Отечественной войне.

Рычкова И.А. (Ульяновск) «Меня вы называли поэтом...»: женщина-поэт в литературной обстановке середины XIX века (на примере творчества К.К. Пав-ловой).

Тихонова А.В. (Казань) Гендерные репрезентации в телевизионном мейн-стриме, или над чем смеется современная российская женщина: «Женская лига» на ТНТ.

Трофимова Е.И. (Москва) Парадигмы массового сознания в текстах Луизы Олкотт и Лидии Чарской.

Уилсон Дж. (Принстон) К истории «прочтения» мужчинами женских обра-зов (Софья, маскулинизированная Мейерхольдом, и гендерное беспокойство в его «Горе уму»).

Цалко Е.О., Рябова Т.Б. (Иваново) Восприятие Родины: гендерный аспект (на материале социологических исследований в городе Иваново).

Цыбульникова А.А. (Армавир) Влияние работорговли на особенности канона женской красоты у племен Северо-Западного Кавказа в XVIII – XIX в.

Шендерюк М.Г. (Калининград) «Курсив мой»: что Нине Берберовой не простили современники.

Шинкаренко Е.А. (Нижний Новгород) Эксплуатация женской телесности в российской телевизионной рекламе.

Секция 1.
Женщина в семье. Семейные гендерные роли

Аргудяева Ю.В.
argudiaeva@mail.ru

**Традиционная семья и семейный быт казачки на
Дальнем Востоке**

Казачьи землепроходцы пришли в Приамурье еще в середине XVII в., однако в силу ряда причин вынуждены были уйти отсюда и возвратились в этот регион только в середине XIX в. В этот период на востоке России создается Забайкальское казачье войско, из которого путем переселения на р. Амур и р. Уссури формируются Амурское (1858 г.) и Уссурийское (1889 г.) казачьи войска.

Основной состав дальневосточных казаков формировался из забайкальских казаков, который в конце XIX – начале XX в. пополнился терскими, оренбургскими, кубанскими, донскими казаками. Это обусловило гетерогенный этнический состав дальневосточного казачества, в основе своей – восточнославянский, но с примесью бурятско-тунгусского компонента, поскольку забайкальские казаки – потомки русских казаков XVII в., бравших в жены бурятских и эвенкийских женщин.

Переселялись преимущественно нуклеарные (малые) семьи. Первые переселенцы-казаки в силу административной необходимости селились без учета природно-экологических факторов. Скученность в наспех сделанных жилищах, тяжелый труд, непривычные природно-климатические условия, обилие насекомых, постоянный голод, болезни значительно снизили в дальневосточном регионе демографический потенциал казаков и отрицательно сказались на их семейном быте.

Разрешалось переселяться только семейным казакам с преобладающим числом в семье, в силу хозяйственной необходимости, мужчин-работников. Это обусловило дефицит женщин и отрицательно сказалось на процессе формирования

семьи, ее численности и структуре. Сказывалась и сословная корпоративность – казаки редко брали в жены крестьянок.

Были и особенности в брачном поведении казаков, связанные с их служебными обязанностями. Вступление в брак до прохождения действительной военной службы не приветствовалось, так как молодая жена оставалась в чужой для нее среде. В таких семьях казачки нередко уходили на заработки или возвращались к родителям, что в итоге приводило к распаду семьи.

Таковы основные особенности семьи и семейного быта у дальневосточных казаков.

Белова А.В.

belova_tver@rambler.ru

Мать и дочь в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.: конфликт идентичностей

«Столкновение между матерью и дочерью» Е. Полюда объясняет «разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочери». Раннее замужество матерей и, соответственно, раннее же рождение первых дочерей, разница в возрасте между ними менее 20 лет приводили к тому, что в известное время и те (еще), и другие (уже) оказывались в пределах репродуктивного возраста, однако дочери воспринимали положение матерей как преимущественное по сравнению с собственным. Неопытность, а часто и полная неосведомленность в вопросах взаимоотношения полов, жесткий социальный контроль над вербальным и сексуальным поведением незамужних девушек действительно ставили матерей в более выигрышную позицию, не только ввиду большей искушенности в сексуальной сфере и меньшего опасения забеременеть, но и вследствие допустимости более раскованного коммуникативного поведения для взрослой, побывавшей замужем женщины. В условиях замкнутости усадебной жизни, ограниченности круга общения и дефицита потенциальных женихов поколение старших дочерей

испытывало ощущение безотчетной угрозы своим матримониально-репродуктивным интересам (своего рода *сублимированной сексуальности*, поскольку сексуальность вне контекста брака и рождения детей ими не мыслилась) со стороны матерей, обладавших к тому же еще и имущественной состоятельностью.

В рамках полных семей подобные переживания сохранялись на уровне архетипически обусловленных фобий: отец, персонифицирующий мужчину, способного к браку в данном локальном пространстве (дворянской семьи), уже «занят» матерью.

Естественно, разрешением репродуктивного «конфликта поколений», имплицитного сексуального «соперничества» оказывавшихся одновременно в пределах детородного периода далеко не пожилой матери и ее взрослой дочери, в условиях дворянской жизни с четко закрепленными семейными ролями (когда мать и дочь невозможно представить «подругами», а их общение строилось отнюдь не «на равных») могло быть только еще более жесткое акцентирование существующих гендерных ролей и позиций посредством их властного маркирования, публичной демонстрации материнской власти над дочерью как возможности произвольного манипулирования ею.

Власкина Т.Ю.
vlaskiny@mail.ru

Статус матери в донской казачьей общине (конец XIX – начало XX в.)

Индивидуальный статус члена традиционного сообщества представляет собой комплекс групповых и личных характеристик человека, одни из которых могут быть неизменными на протяжении всей жизни (пол, этнословная принадлежность), а другие – меняются закономерно либо ситуативно (семейное положение, возраст, имущественное положение).

Существенное воздействие на семейный и общественный

статус индивида оказывают психологические характеристики человека и степень его социализации. Они определяют способность выстраивать как жизненную стратегию, так и тактику обыденного поведения в соответствии с существующими в обществе идеалами и стереотипами.

Исследователи традиционной культуры казачеств России, в частности, кубанского казачества (А. Мануйлов), отмечали высокую степень вариативности женских статусов, среди которых наиболее весомым по признакам полномочий, авторитета и влияния являлся статус хозяйки. Однако факт, что основу роста и семейного, и общественного положения казачки составляла ее полноценная реализация в браке, однозначно предполагавшая успешное родительство, позволяет видеть оптимальную концентрацию потенциальных возможностей женщины войскового сословия в статусе матери.

Казачьи общины Дона знали в своем развитии период, когда семья была скорее исключением, чем правилом, а положение матерей, по ряду свидетельств, было едва ли не маргинальным (А. Ригельман, В. Сухоруков, И. Тимощенко). Очевидно, что в рассматриваемый период это положение существенно изменилось: развилось в сложную систему прав и обязанностей, сложилось в культурно значимый стереотипный образ, обладающий выраженными мифологическими чертами, и, наконец, закрепилось признанием значимости материнства на официальном войсковом уровне, что выразилось в учреждении общественного праздника – Дня Казачки-матери.

Статус матери в казачьем сообществе имеет структуру, в которой следует выделить комплексы реальных и семиотических составляющих. Важнейшим источником обычно-правовой реальности являлась принадлежность женщин к войсковому сообществу, вследствие чего они наделялись сословными правами, реализацию которых обеспечивали обычай, органы местного самоуправления (казачий круг) и ряд законодательных актов, регулировавших правовые и имущественные отношения в Войске Донском (например, «Положение о размежевании земель войска Донского» от 31 июля 1835 г.). Важнейшей обязанностью казачки признавалось обеспечение естественного прироста

Войска Донского, понимаемое не только как собственно рождение казачьих детей, но как забота об их физическом и моральном соответствии войсковому идеалу. В результате традиционная обрядность детского цикла, по общим характеристикам соответствующая классическому славянскому образцу (Д. Зеленин, Н. Гаврилюк, Т. Листова), обогатилась элементами и знаками воинской субкультуры. Семиосфера материнства представлена рядом понятий, среди которых – материнское слово (молитва), материнское проклятье, материнское наказание, материнская сила, материнская прозорливость, материнское благословение.

Исследование основано на опубликованных материалах, характеризующих положение женщины в казачьих общинах Дона во второй половине XIX – начале XX в., а также на полевых материалах, освещающих ситуацию от рубежа XIX – до середины XX в.

Грек Н.В.

elina-natalja@rambler.ru

Материнство, родительство, детство: трансформация взаимоотношений семьи и государства в России XX – начала XXI в.

Работа посвящена анализу трансформаций роли женщины в семье и обществе на протяжении XX в. Гендерные контракты, детерминирующие социальное поведение женщины, отвечали целям и задачам государства на каждом конкретном социально-историческом этапе его развития. В выступлении рассматриваются меры семейной политики советского периода, имевшие цель отрегулировать репродуктивное поведение женщины и одновременно с этим вовлечь ее в производственный процесс. Внимание обращается прежде всего на политику в отношении материнства и детства, поскольку отец был и остается отдаленной от семьи, маргинализированной фигурой, отвечающей в основном за материальное обеспечение семьи.

Работа также содержит анализ функций трансформирующихся гендерных контрактов и определение приоритетов советской политики на каждом этапе ее развития.

Для проведения анализа используются теория Г. Эспинг-Андерсена о классификации режимов государств всеобщего благосостояния, а также разработанные американской исследовательницей А. Хошильд модели заботы, существующие в дискурсе семейной политики. Дальнейшее описание исследования содержит рассмотрение вопроса родительства в контексте различных моделей семейной политики. Внимание акцентируется на таких чертах трансформации данного социального института, как необязательная связь родительства и супружества, увеличение внебрачных рождений, увеличение монородительских семей.

В заключение рассматривается концепция семейной политики, активно разрабатываемая в настоящее время. Данный дискурс подразумевает наличие негативных явлений трансформации семьи. Далее делается вывод, что современная семейная политика очень тесно связана с демографической политикой и направлена на преодоление кризиса рождаемости, а, следовательно, является пронаталистской. Обозначаются пробелы и противоречия в практиках реализации таких мер социально-экономической поддержки семьи, как родовые сертификаты, установление и увеличение материнского капитала, развитие ипотечного кредитования.

Гуля Л.М.

lisa.gulya@gmail.com

Материнский капитал и репродуктивные стратегии молодых женщин Великого Новгорода

Снижение рождаемости российское государство стремится поднять с помощью предоставления женщинам материнского капитала после рождения (усыновления) второго ребенка в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2016 года. Материнский капитал – это денежные средства, выделяемые из

федерального бюджета для реализации закрепленного Законом права граждан, имеющих двух и более детей, которые предполагается потратить 1) на покупку жилья, 2) на образование детей и 3) пенсию для матери.

Наше исследование направлено на изучение влияния современной государственной демографической политики на реальные репродуктивные практики городских женщин. Является ли материнский капитал стимулом для рождения второго или последующего ребенка? Как молодые матери воспринимают государственную выплату в размере 300 тысяч рублей?

Методом углубленного интервью мы начали изучение репродуктивных стратегий молодых замужних женщин Великого Новгорода, имеющих одного или двух детей, с высшим и средним образованием. Стратегии понимаются нами в традиции П. Бурдьё как «системы практик, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью».¹

Проводимые интервью направлены на изучение обычной жизни молодых новгородских мам – как у них обычно проходит день, какие у них возникают трудности, как они совмещают учебу/работу с семьей, кто им помогает с детьми, как приходило решение родить ребенка – запланировано ли оно было или случайно получилось, сколько еще детей они бы хотели иметь.

Пока нами опрошено 15 респонденток, большинство из которых не считают материнский капитал влияющим на их решение родить большее количество детей. Молодые женщины полагают, что материнский капитал не является ощутимой и надежной помощью от государства. Три из четырех опрошенных мам, уже имеющих право получить материнский капитал, сообщили, что эта поддержка не побудила их родить второго ребенка. С другой стороны, они все-таки довольны суммой и тем, что государство хоть каким-то образом оказало им помощь.

По словам молодых матерей, существует множество нерешенных вопросов, которые затрудняют жизнь молодых семей. Государство могло бы помочь с решением ряда проблем,

¹ Шматко Н. Введение в социальный анализ П. Бурдьё / Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 12.

если бы хотело облегчить бремя современного материнства и отцовства. Эти проблемы касаются городских автобусов, в которые очень трудно войти с коляской; недостатка мест для отдыха с маленьким ребёнком, в том числе и детских площадок; большие очереди в детские сады; отсутствие доступного жилья. Некоторые мамы оказались психологически не подготовленными к рождению ребёнка и возникающим психологическим проблемам с детьми; а некоторые даже сталкиваются с агрессивностью окружающих людей к беременным женщинам, так же как и к молодым матерям.

Егорова О.В.
eoks71@rambler.ru

Образ бабушки в традиционной культуре чувашей

Особенности влияния расширенной семьи на развитие ребенка обнаруживаются при анализе социализирующей роли бабушек, к которым дети обычно особенно привязаны. Эта привязанность обусловлена тем, что более умудренные в педагогике бабушки не прибегали к репрессивным методам воспитания, выступали их надежными защитниками, в том числе в тех случаях, когда родители были слишком строги. Бабушки – знатоки культуры предков, больше, чем кто-либо другой из родственников, удовлетворяли духовные потребности ребенка: рассказывали сказки, притчи, мифологические предания. Во время болезней детей они, используя народные приемы врачевания, помогали в выздоровлении ребенка. Однако бабушки не всегда оказывали положительное влияние на детей. Они могли попросить, чтобы внуки их закурили трубку и подали им. За такую услугу желали детям вырасти до печи. Таким образом дети приучались к курению. Нередко излишняя придирчивость к снохам вызывала семейные конфликты и создавала неблагоприятную атмосферу в семье.

Жигунова М.А.

Русская женщина в Сибири: основные функции в современной культуре

Наш доклад базируется на этнографических и этносоциологических материалах, собранных за последние 20 лет в ходе комплексных исследований русского населения Западной Сибири.

Женщинам присуща большая религиозность, чем мужчинам. Даже во времена «воинствующего атеизма» они продолжали хранить бабушкины иконки, украдкой крестить детей, читать молитвы, лечить традиционными методами с использованием лекарственных трав и магических заговоров. Женщины чаще подвержены влиянию различных суеверий, гаданий, примет.

Фольклорные традиции поддерживаются преимущественно женщинами. Начиная с первых дней жизни ребенка, мать передает ему первую музыкальную и поэтическую информацию в колыбельной песне. В современных фольклорно-этнографических коллективах, песенных и танцевальных ансамблях преобладают женщины. Численно преобладают они и в учреждениях культуры и образования, гуманитарной сфере науки. Известна особая роль женщин в проведении обрядовых действий в родильно-крестильном, свадебном и похоронно-поминальных циклах, Масленице, Пасхе, Радунице, Троице и др. Бесспорна ведущая роль женщин в приготовлении пищи, изготовлении и ремонте одежды, сохранении традиций прядения, ткачества, вязания, вышивания. Свои навыки женщина передает дочерям и внукам. Как правило, женщины демонстрируют лучшие знания генеалогического дерева и поддерживают связи с родственниками.

Для большинства сибирских женщин характерной остается традиционная модель семьи и семейных отношений, где они продолжают выполнять свои исконные функции. Работой на даче, приусадебном участке, ремонтом жилища, хозяйством, как правило, супруги занимаются совместно. Уходом за малолетними детьми, играми, чтением, прогулками, проверкой уроков,

посещением родительских собраний в большинстве семей занимаются женщины. Женщины считают, что «Семья нужна всем и всегда! Семья – это самое главное в жизни человека!» И так, женщинам принадлежит важнейшая роль в сохранении и функционировании семьи, а также – воспроизводстве культурных традиций и передаче их новым поколениям.

Золотухина М.В.
glwhite2000@yahoo.com

Отчаянные «отчаявшиеся домохозяйки» как отражение «американской мечты»: кривое зеркало

Можно задаться вопросом: какую именно реакцию вызвал бы один из популярнейших американских сериалов США – «Отчаянные домохозяйки», у знаменитой Бетти Фридан. Отчаяние? Возможно – «проблема без названия» превратилась в свою гротескную телеверсию с надуманными сюжетами и бесконечно черным юмором по поводу современной пригородной семейной идиллии. Однако при анализе идей, которые скрываются за уловками и трюками режиссера, возникает иное впечатление: «Отчаянные домохозяйки» – энциклопедия жизни, которой нет и быть не может, но которая зримо и незримо присутствует в виде клише, стереотипов, проблем и дискурса сегодняшней Америки. Остановимся на обитательницах переулков Глицинии и причинах их отчаяния.

Дилемма умной, энергичной, трудолюбивой Линнет, жертвующей карьерой ради детей (количество которых явно превышает ее ожидания и предпочтения, но которых она преданно любит и растит) и мужа, с которым достигнуто идеальное взаимопонимание и разделение ролей и обязанностей. Ее собственные притязания же остаются нереализованными и, как кажется, потому, что это невозможно (конфликт между работой и домом).

Блестящая сатира на «мартастюартизацию» Америки (по имени печально известной Марты Стюарт – автора и собственника брэнда) – стремление к неумемному украшательству

и оформлению всего и вся, своими руками, в изысканном стиле, нереальному хотя бы с точки зрения временных затрат, – героиня Бри, названная почти как изысканный сыр. Не сошедшая с подиума мечта о богатом муже (в образе Габриэль – весьма неправовой католички) и не менее извечная мечта о любимом муже (Сюзан), справиться с жизнью которой помогает ее дочь (тема контроля детей над родителями).

Обезоруживающая своей искренней и неприкрытой стержневостью Иди – размышления над темой жестокости во взаимоотношениях девочек, столь актуальной. Наконец, одна из основных героинь, смерть которой становится первой из вереницы вроде бы нереальных поворотов сюжета, но которая методично, в лучших традициях социальной антропологии, интерпретирует нравы, каждый раз объясняя, на что обижаются, по поводу чего грустят, как помогают друг другу, что скрывают и т.д.

Помимо женских линий можно выделить множество точных самонаблюдений: внешние стандарты политкорректности вообще и в воспитании детей, оторванность от старшего поколения, проблема насилия в разных семьях, принятие гомосексуальных предпочтений собственного ребенка, адюльтер, одиночество. Подобная рефлексия – показательный этап в развитии гендерного и других социальных дискурсов, особенно интересная с точки зрения сегодняшнего экономического кризиса.

Зайцева С.В.

svlanaz@yandex.ru

Проблемы призрания незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX века

Призрание незаконнорожденных детей и подкидышей во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялось как в столицах (в учрежденных еще в XVIII в. Воспитательных Домах), так и в земствах, в имевшихся там приютах и других заведениях подобного типа, либо путем воспитания у частных лиц.

Столкнувшись с проблемами увеличения роста числа приносимых детей, высокой детской смертности, руководство данных учреждений и представители земств пытались найти выход из создавшейся ситуации путем осуществления разнообразных кратковременных и малоэффективных мер, не меняя основ самой системы призрения. На протяжении всей второй половины XIX в. Правление Воспитательных Домов рассматривало различные варианты ограничения приема детей в возрасте до одного года (необходимость предоставления метрического свидетельства для ребенка в возрасте старше 10 дней по Правилам приема в Воспитательные Дома 1853 г., возмещение всех расходов за воспитание ребенка в случае его возвращения родителям по Правилам 1867 г., запрещение вторичного приема детей в 1868 году, выдача платы за ребенка, принесенного в возрасте от 6 нед. до 2 мес. с метрическими свидетельствами и беспрепятственное возвращение детей по правилам 1870 г.).

В 80–90 гг. XIX в. общественные деятели стали рассматривать в качестве наиболее эффективных способов сокращения детской смертности в приютах такие мероприятия, как: децентрализация Воспитательных Домов и открытие специальных учреждений в земствах, введение явного приема, а также привлечение матерей к кормлению и воспитанию своих детей. Характерно, что таким образом предполагалось не только решить существовавшие проблемы, но и способствовать укреплению семейных связей между родителями и их детьми и изменить отношение к незаконнорожденным детям со стороны общества и государства в целом.

Иванчина О.А.
oksana77786@mail.ru

Трансформация социокультурных параметров современной чувашской женщины в городской среде

Воздействие городской среды предполагает, с одной стороны, трансформацию статусной стратификации женщины в сфере

семейно-брачных и социально-экономических отношений, преобразование ее аксиосферы (жизненных ценностей и ориентиров), изменение поведения, быта и круга интересов, а, с другой, – приспособление, формирование механизмов адаптации чувашской женщины к новому для нее социокультурному окружению. Вниманию респондентов исследования проблемы социокультурного образа современной чувашской женщины в городской среде была предложена анкета, которая подразделялась на три блока под названиями: «Личность», «Семья», «Национальность». Каждый из перечисленных вопросных блоков раскрывал облик чувашской женщины в условиях социокультурного пространства города в контексте своей парадигмы.

Анализ установок чувашских женщин в сфере семейно-брачных отношений выявил две сосуществующие тенденции. Во-первых, это возрастающий уровень эмансипации, которая проявляется в предпочтениях женщины на равноправное взаимодействие в семье (56,7%), на равную возможность участия в формировании семейного бюджета. Наблюдается размывание традиционных морально-этических представлений о супружеских отношениях, происходит раскрепощение женской сексуальности. Женщина в семье оценивается информаторами не только как «мать», «жена», «хозяйка», но и как «друг», «полноправный член семьи», «руководитель».

Во-вторых, ориентированность чувашских женщин-мигранток на традиционность семейно-брачных отношений. Больше половины опрошенных решающую роль в семье отводят мужчине, который является «кормильцем семьи», «авторитетом во всем». Основанием брачного союза для многих женщин является «любовь» и «взаимопонимание» (66,7%). Традиционность взглядов наблюдается и в выборе мужа своей национальности, которая способствует «общению на родном языке», «соблюдению общих традиций и обычаев», «возможности петь песни на родном языке», «отсутствию конфликта при определении национальности ребенка».

Материнство и детство в Карелии в фотообразах конца XIX–начала XX вв.

Начиная со второй половины XIX в. этнокультурная специфика Карелии стала привлекать пристальное внимание исследователей-профессионалов и любителей. Путешественники фиксировали свои впечатления чаще всего в виде записок или очерков, но некоторым из них удалось запечатлеть также зрительные феномены карельской культуры. Фотосъемку осуществляли как представители финского национального романтизма, считавшие Карелию краем, где надлежит искать свою национальную идентичность и культурные корни, так и российские путешественники, работавшие при поддержке РГО или самостоятельно. Великолепные фотографические работы выполнены И. Инхой, С. Паулахарью, И. Кианто, М. А. Круковским и И. А. Никольским. Ценность большинства этих фотографий состоит не только в их отличном качестве, но и в точной датировке, указании места съемки.

На фотоснимках, созданных в конце XIX – начале XX вв., «мать и дитя» как объект специального интереса фигурируют редко. Крестьянские женщины и дети чаще присутствуют на коллективных семейных портретах, в сценах повседневного и праздничного быта. В «предметном мире» фотографии привлекают внимание одежда, прическа, окружающие людей вещи, а также фоновый объект, ради которого нередко и производилась съемка. Все эти «детали», дополненные сведениями из других источников, расширяют наши представления об исторических реалиях и этнокультурных особенностях крестьянского детства и жизни сельской женщины. Фотоснимки, выполненные мужчинами, позволяют приблизиться к пониманию характерных для того времени стереотипов восприятия женщины, отношения к детям, их места «в мире взрослых». Исследовательская практика показывает, насколько ценными могут быть совершенно обыденные фотографии,

запечатлевшие самых различных людей в быту, в процессе труда и на празднике.

Калачева И.И.
irakalachova@yandex.ru

Семейно-брачные отношения в традиционной и современной белорусской семье

Современная белорусская семья претерпевает изменения. Это вызвано как объективными, так и субъективными причинами, среди которых важнейшее место отводится изменениям в укладе жизни семьи, той социально-культурной среды, в которой живёт семья. Основная часть населения Беларуси – это городские жители, которые живут в новых по сравнению с их родителями условиях, условиях модернизированного образа жизни (69,7%). В республике насчитывается более 200 городов, в них проживает 66,1% семей.

Фактором, влияющим на ускорение процессов модернизации образа жизни, является полиэтничный состав населения городов, который изменяется и обновляется за счет мигрантов в том числе.

Изменения, которым подвержен институт семьи и брака, оказывают влияние на ценностный мир семьи, её нравственную культуру, её роль в сохранении преемственности традиций между поколениями. В этом аспекте существуют проблемы, связанные с трансформацией традиционных ценностей и освоением новых, которые привносятся в повседневную жизнь семьи средствами массовой информации, культурными традициями мигрантов из других стран.

В 2007 г. нами было проведено социологическое исследование семейно-брачных проблем городского населения Беларуси, было опрошено 800 семей белорусов, проживающих в 30 городах – Минске, областных центрах, средних и малых городах. Цель опроса – выявление тенденций в сохранении преемственности традиций национальной белорусской культуры современной семьей. Полученные выводы сводятся к следующему.

Современной семьей сохраняются элементы традиции семейно-бытовой обрядности (более устойчивыми остаются похоронный и крестильный обряды).

Изменения структуры семьи не обеспечивают межпоколенный уровень передачи этнических знаний (родители, а не бабушки, дедушки являются носителями народных знаний, важным источником знаний являются информационные средства, развитие получают семейные клубы и любительские объединения).

Наличие большого количества социальных сирот свидетельствует о трансформации ценностей родительства и др.

Однако, несмотря на подверженность современной семьи сильным трансформациям, она все же сохраняет приметы национальной культуры и традиции в быту, в повседневном общении.

Колесникова В.Л.
vkolesnikova@bsu.edu.ru

Семья, дом и узы родства представителей духовенства Курской и Тамбовской губерний второй пол. XIX – начала XX в. в православных традициях и исторических реалиях

Анализ семейных традиций и исторических реалий православного духовенства Курской и Тамбовской губерний второй половины XIX – начала XX столетия позволяет вписать «историю женщин» в реконструкцию истории малой семьи в России. Очевидно, что она соответствовала православной модели: шкала доминирования соответствовала шкале ответственности, члены семьи были ранжированы в порядке убывания ответственности: отец, сын, мать. В исследуемый период большую роль в создании и поддержании в доме православного порядка и быта играли, несомненно, жены священников, которых в народе уважительно называли *матушками*.

Соотнесение идеальной модели православной семьи священника и реального положения дел в Курской и Тамбовской

губерниях второй половины XIX – начала XX в. позволяет выделить некоторые особенности социального статуса женщины. Функциональная нагрузка матушки была достаточно разнообразной. В качестве основных функций можно выделить семейные (функция жены, материнская) и внесемейные (хозяйственная, религиозная функция). Так как только от женщины не могли зависеть внутрисемейные процессы, то поддержание культуры материнства, соблюдение религиозно-нравственных норм, интимных запретов с учетом православных традиций иногда противоречило реальному выполнению ролевых функций матушки. Жена священника не могла обособленно от супруга выполнять все предписанные ей церковным уставом правила.

Таким образом, к концу XIX в. наблюдавшаяся отрицательная динамика в соблюдении православных канонов (отступление от Святцев при имянаречении, зачатие в «запретные» дни и т.д.), скорее всего, заслуга главы семьи духовенства. Роль женщины же оставалась фактически на втором плане: она должна была выполнять обязанности, не имея прав. Поэтому четко разграниченного и закрепленного в перспективе «можно» и «нельзя» у женщины духовного звания не было.

Коляскина Е.А.
istorik8881@mail.ru

«По себе»: представления о хорошей невесте русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой трети XX в.

В брачном выборе русские Алтая руководствовались принципом соразмерности партии по возрасту, семье, социальной, этнографической и конфессиональной принадлежности, хозяйственности и т.д. Оптимальный возраст для вступления в брак относили к 17–18 годам. Девушка должна была быть сформирована физически, но еще гибкой в психологическом плане, готовой принять уклад жизни семьи мужа. Пределом «нормального» замужества переселенцы

считали 20 лет, старожилы – 25 лет. Почти половина девушек выходила замуж в 18–20 лет, к концу исследуемого периода в среднем в 18–25 лет. Любовью к ранним бракам отличались старожилы, они могли выходить замуж 14–16 лет.

Считалось, что разница в возрасте жениха и невесты не должна превышать 1–2 года. К бракам, в которых невеста была старше жениха на несколько лет, относились негативно.

Повторные браки осознавались как необходимость, вызванная физиологическим и хозяйственным факторами. При этом в повторные браки женщины вступали гораздо реже мужчин. Вдовцы предпочитали жениться на девицах, а не на вдовах. Выбирая невесту, в первую очередь смотрели на ее происхождение: «род», «породу», «родителей». Большое значение придавали здоровью избранницы. Учитывали и внешний облик. Ценили скромность поведения и покладистость характера. Молодые не должны были состоять в кровном и духовном родстве. Желательно было, чтобы невеста принадлежала к этнографической группе жениха. Особенно среди старожилых, казаков, бергалов, старообрядцев было сильно предпочтение заключать браки со «своими». К бракам с представителями других этносов относились как к неравным, старались их избегать.

Материальное состояние брачующихся должно было быть близким. Нарушение данной закономерности было скорее исключением. Мезальянс мог состояться в случае какого-то изъяна более высокой по положению стороны.

Обязательным требованием к избраннице было трудолюбие и владение трудовыми навыками. «Работящая», «рукодельная» девушка считалась хорошей невестой.

Котовская М.Г.
etgender@mail.ru

Женщины в межнациональных браках. Новые тенденции и формы

Установка на межнациональный (межэтнический) брак в России пережила несколько периодов своего формирования.

Начиная с 1920-х гг. межнациональный брак стал нормой практически во всех республиках Советского Союза. Юноши и девушки, обучаясь в средней школе, могли даже не подозревать о национальной принадлежности своих одноклассников, испытывая по отношению к ним романтические чувства.

Период распада Советского Союза ознаменовался появлением новых символов успеха, жизненных стратегий и брачных установок. Выбор брачного партнера другой национальности превратился в серьезную социокультурную проблему, потребовавшую, в свою очередь, и новых методик изучения. В докладе рассматриваются наиболее значимые из них.

Еще более сложным в рассматриваемом контексте представляется период так называемой «пост-ельцинской эпохи». В научную терминологию прочно входит термин «глобализация», включающий в себя как позитивные, так и негативные стороны. Брачное партнерство в России приобретает новое измерение, больше известное как «выйти замуж за иностранца». Соотношение ценностей, установок и моделей поведения российских девушек в докладе представлено в виде анализа результатов оригинальных исследований, проводимых автором совместно с коллегами из ИЭА РАН на протяжении почти десяти лет.

Мадюкова С.А.

sveiv7@mail.ru

Социокультурные функции обрядов жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири)

Доклад посвящен анализу обрядов жизненного цикла женщин (родильных, свадебных, похоронных) и их функций в воспроизводстве традиций и этнической культуры. Выявляется этническое своеобразие образа жизни тюркских этносов Южной Сибири, раскрывается динамика общего и особенного в обрядах жизненного цикла женщин, обобщение имеющегося эмпирического (в частности, этнографического) материала.

В докладе анализируется содержание концепта «обряды жизненного цикла», исследуются социокультурные функции

указанных обрядов, обозначается общее и особенное в обрядах жизненного цикла женщин в традиционном и современном обществе. Жизненный цикл понимается как совокупность фаз развития, в рамках которых человек достигает зрелости и становится способным дать начало следующему поколению, замыкая тем самым жизненный цикл.

Таким образом, апогеем жизненного цикла индивида, где один цикл накладывается на другой, является рождение ребенка. С точки зрения теории обрядов перехода А. Ван Геннепа (обряды, отмечающие и формально закрепляющие переход индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретение нового социального статуса), анализируются обряды жизненного цикла женщины как хранителя и транслятора обрядов в традиционном обществе. Выявляются социальные, экономические и культурные функции родильных, свадебных, связанных с разводом и похоронных обрядов.

Большинство исследователей советского периода характеризует положение женщины у тюркских этносов Южной Сибири как угнетенное, отмечает уничижительный для них характер традиционных обрядов, в том числе обрядов жизненного цикла. Традиционный взгляд на женщину у народов Южной Сибири трансформировался за годы существования СССР; традиционные обряды были заметно упрощены, уровень знаний о традициях снизился; общие социалистические ценности доминировали над ценностями этнокультурными.

Ревитализация обрядов жизненного цикла женщин на постсоветском пространстве, связываемая нами со становлением феномена социокультурного неотрадиционализма, представляется формой адаптационного поведения в новых социокультурных условиях.

Мухина З.З.
mukhiny@mail.ru

Социализация девушки в русской крестьянской семье XIX – начала XX в.

На каждом возрастном этапе складывается своеобразная

специфическая социальная ситуация развития, обуславливающая становление гендерной идентичности, ее компонентов под влиянием разнообразных факторов. Ведущую роль в процессе социализации девушки-крестьянки играла семья, в которой определялись стартовые характеристики развития.

Русская крестьянская семья в XIX – начале XX в. была своеобразным «накопителем» знаний, практического опыта, традиций и образцов поведения многих поколений своих членов. Внутрисемейная преемственность поколений в семейном коллективе осуществлялась на двух уровнях: родители – дети, бабушки/дедушки – дети. Для малых семей был характерен лишь первый уровень связей, для неразделенных семейных коллективов – оба.

В русских крестьянских семьях в процессе социализации девушек велика была роль женщины. До года за дочерью, как и за сыном, ухаживала мать, бабушка или другие члены семьи женского пола. После года постепенно начиналась целенаправленная социализация детей, главной целью которой было постепенное включение детей в упорядоченную крестьянскую жизнь.

Основным способом жизнедеятельности крестьян был труд, поэтому приучение к труду начиналось очень рано. Девочки с 5–6 лет помогали взрослым женщинам в работах по дому и на огороде, а с 9–11 лет дочь помогала матери жать в поле. Однако на первом месте у девочек стояло обучение домашнему мастерству. Поэтому уже с 5-7 лет матери начинали обучать девочек рукоделию: прядению, ткачеству, вышиванию, вязанию, изготовлению кружев, женских украшений. В 12 лет девочка могла изготовить себе наряд. А к 14–15 годам – завершению подросткового периода – девушка была уже способна готовить себе приданое.

Девушек с раннего возраста обучали не только всем хозяйственно-трудовым навыкам, но и прививали необходимые качества характера, образцы фемининного поведения, религиозно-нравственные устои, передавали им мировоззренческий комплекс, включавший ответы на вопросы о

себе и окружающем мире. На процесс социализации девушек оказывали большое влияние игры, участие их в календарной обрядности.

Онопrienко И.Г.
onoprienko@bsu.edu.ru

Значение материнства в провинциальной дворянской семье в XIX в. (на примере Центрально-Черноземного региона)

В провинции жизнь дворянской женщины тесно была связана с хозяйственной жизнью усадьбы, воспитанием детей. Материнство оставалось для большинства дворянок ценностью вне моды и времени. Именно материнство в наибольшей степени заставляло дворянских девушек относиться к замужеству как к самому значительному, переломному рубежу, с которого начиналась новая жизненная фаза.

Дети всегда были духовной основой в дворянской среде, их количество было различным. В половине семей Центрального Черноземья имелось всего 2–3 ребенка, но встречалось и необычно большое для дворянской семьи количество детей. Например, в семье вдовствующего капитана в отставке Н.Ф. Салтыкова, проживавшего в селе Дмитриевское Тамбовской губернии, числилось 10 детей. Как в крестьянской, так и в дворянской семье благодатью было рождение мальчиков и особенно первенца. Многодетность освящалась церковью, прерывание беременности и уклонение от рождения детей считалось тяжким грехом.

Рождение детей – очень важное событие в жизни дворянской женщины. Женщина, готовящаяся стать матерью, переставала выезжать и являлась только в дом своих ближайших родных. Как во избежание какой-нибудь случайности, так и ради соблюдения приличий она не показывалась ни в театре, ни на общественных гуляньях.

В течение нескольких дней после рождения ребенка родственникам, друзьям и знакомым посылались уведомления письмом о свершившемся событии. Через неделю по получении

уведомления, если здоровье матери было удовлетворительно, знакомые делали ей визит, а если она еще не принимала, то осведомлялись о ее самочувствии у мужа. Такие визиты обычно делались в течение месяца. Первый выход дворянки после выздоровления делался в церковь, куда она шла благодарить Бога за благополучное рождение ребенка.

Попова Л.А.

popova@iespn.komisc.ru

Особенности брачно-семейного поведения коми женщины

Для коми народа традиционно характерно лояльное отношение к вопросу о допустимости добрачного сексуального опыта у женщин и к внебрачной рождаемости. Издавна среди коми не только добрачная половая связь женщины, но и рождение ребенка вне брака не рассматривались ни как греховное явление, ни как социальная проблема. Эти особенности брачно-семейного поведения, подмеченные этнографами как среди коми-зырян, так и коми-пермяков еще в XIX в. («крайнее равнодушие к целомудрию женщин»), исторически сложились в силу ряда обстоятельств. Во-первых, истоки этого содержатся непосредственно в древнем языческом мировосприятии коми народа, в соответствии с которым «человек» и «незаконнорожденный» определяются идентично. Во-вторых, после принятия христианства для коми не оказались характерными сильные религиозные традиции, и церковный брак не получил всеобщего распространения – в заметной степени сохранились языческие брачные обычаи («помолвка поцелуями», «венчание вокруг ракитового куста» и пр.). В-третьих, довольно значительную роль сыграла исторически сложившаяся экономическая самостоятельность коми женщины, обусловленная особенностями традиционного хозяйствования («справляя наравне с мужчинами всякую работу, они рано начинают себя чувствовать крепко на ногах»), определившая достаточно высокий социальный статус женщины и,

соответственно, отношение к ней как к равному члену общества. Поэтому среди коми практически не сложился двойной стандарт половой морали, когда добрачная половая связь мужчины не только не осуждается, но даже и приветствуется, а женщины за это подвергаются суровому осуждению и наказанию.

Однако в условиях второго демографического перехода, развернувшегося в промышленно развитых странах с начала 1980-х годов, и особенно докатившейся до России в конце указанного десятилетия сексуальной революции эти исторические особенности матримониального поведения коми женщины оказывают определенное дезорганизующее влияние на развитие брачно-семейных отношений и демографическую ситуацию в Республике Коми.

Скорик А.П.
s_a_p@mail.ru

Система традиционного воспитания девочки-казачки в среде донского казачества

С пяти лет девочки-казачки учились самостоятельно шить, вязать и вышивать. Пряли шерсть и конопляное волокно. Делалось это путем игры. Вначале обшивали своих кукол, затем шили небольшие вещи для себя. Так постепенно становились мастерицами. Девочки-подростки ухаживали за цветами, готовили пищу, выпекали хлеб, стирали, мыли полы, гладили, шили, ставили заплатки на одежду себе и взрослым, пришивали пуговицы, перерабатывали молоко в творог и масло (и это вручную на домашних маслобойнях). Девочки занимались и побелкой куреней. До 13 лет девочки часто играли в одни игры с мальчишками, постигая некоторые военные премудрости, а также верховую езду. Но основное время они проводили в домашних делах (прежде всего, шитье и кухня). Редко одиночество сменялось кругом подруг.

Считалось престижным для девочки-подростка получить прозвище *чеберки*, которое давалось истинным мастерицам. Чеберку стремились засватать в первую очередь. Молодая казачка должна была уметь сшить *кубилёк* (старинное

праздничное платье), выстегать узором одеяло или кафтан, выстрочить *ожерелок* (воротник рубахи) *кривым танком* (вероятно, рисунком в виде змейки, напоминающей хоровод), *бурсачками* (рисунок вышивки, вязки в виде ромбиков) и проч. Только немногие девушки обучались читать акафисты (род хвалебного церковного песнопения) и каноны (правила, церковное хоровое песнопение в честь святого или праздника).

Со временем девочек стали учить в школе. Каждое воскресенье и в праздники ходили они в нарядном платье вместе с бабушками или нянюшками к заутрене, к обедне и к вечерне. Обычно же вечерами девушки сидели или расхаживали на крыльце своего дома, всякий раз скрываясь, если завидят молодого мужчину.

Текуева М.А.
tekmad@rambler.ru

Кавказский адюльтер: мифы и реальность

Традиционная адыгская семья описывается современниками как глубоко патриархальная, более того, ее многопоколенный состав и многочисленность членов, живущих в одном дворе, не предусматривала возможности приватизации их личной жизни: каждый человек в семье был на виду, а женщины – под особым присмотром. Кроме того, существовал культ семьи и святости брачных обязательств. Сложность изучения проблемы супружеской измены состоит в том, что эта тема замалчивается информаторами как неприглядная сторона жизни, а местными авторами все, что относилось к интимной жизни народа, возводилось на платонический уровень, либо стыдливо опускалось. Поэтому мы можем считать себя первооткрывателями нового и драматически захватывающего сюжета в современном кавказоведении, приоткрывающими завесу над табуированной прежде темой приватных отношений между полами.

Свидетельством того, что супружеские измены все же имели место в патриархальной адыгской общине, среди прочего,

являются законы обычного права, регламентирующие систему наказаний и штрафов за супружескую измену.

В условиях, когда заключение брака часто зависело от родительской воли, т.е. могли заключаться браки не по любви, то должна была быть и отдушина для живущих в постылом браке. Как в обстановке тесного общежития в сельском соседско-родовом быту любовникам удавалось уединиться и хранить тайну? Традиционно мужчины часто отправлялись в многомесячные походы. Как они решали свои сексуальные потребности: было ли это воздержание или они имели/допускали возможность их удовлетворения? Существовала ли проституция в адыгском обществе? В результате изучения любовных связей, возникающих вне брака, напрашивается вывод, сделанный задолго до нас: моногамия имеет специфический характер, сделавший ее «моногамией *только для женщины*, но не для мужчины». Но как бы ни была деликатна мужская измена, она остается нарушением верности супружеских отношений. При этом социальная традиция всегда находит ей оправдание. Женская измена – это в большинстве случаев драма, которая может быть жестоко осуждена и наказана. Сам факт измены требовал от женщины, в отличие от мужчины, наличия в ней чувства независимости и силы духа, обладания внутренней автономией. Непредвзятый взгляд на интимную жизнь адыгов позволяет внести коррективы в понимание истории повседневных отношений между полами. Очевидно, что черкешенка в историческом прошлом была не менее свободна и раскрепощена, чем европейская женщина. Вплоть до утверждения ислама поведение ее могло показаться достаточно раскованным и более независимым, чем у женщин «просвещенных народов». Но свобода эта была иного характера и гармонично вписывалась в парадигму традиции.

Фатыхов С.Г.
dan_sal47@mail.ru

Мать-прародительница – кто она?

Женщина-мать в современном социуме все еще сохраняет архетипичность образа, зафиксированного у народов мира в комплексе прародительницы. Причем ее формула характеризуется семизвенностью женской наследственной линии, которая у современных нганасан и узбеков-карамуртов, к примеру, фиксируется в образах Юхе-илянъ и Етти-момо (семь матерей). По своим функциям они напоминают семь древнеиндийских матрик, семь кельтских матерей, семь славянских рожаниц, слившихся с семью планетами, и т.д.

В докладе выдвигается гипотеза о доматриархально-матриархальных истоках образования этого межпоколенного комплекса, а также моделируется его приблизительная конструкция. В условиях ноуменной первобытной орды, которая в филогенетическом плане представляла собой биологическое «Оно» с зародышами социального опыта, женщина-мать, вычленив себя и своих детенышей из этого «Оно», приумножила и закрепила речевыми символами эти зародыши социального опыта и осознала себя. Появился феномен первого «Я» – «Я» прапрабабушки, память о которой позднее закреплялась скульптуркой-фетишем, фиксирующим «там и тогда». Межпоколенное ассоциативное поддержание коллективных форм жизни посредством изобретения и сохранения социобиологической конструкции матерей-прародительниц обеспечивало социальное воспроизводство группы и тех проточеловеческих жизненных технологий, которые оберегали и развивали устойчивость коллективного.

Чикалова И.Р.

irina_chikalova@mail.ru

Белоруска в СССР: от гендерного контракта женщины-домохозяйки к контракту работающей матери

К моменту установления Советской власти подавляющая часть женщин, особенно сельских (а они составляли большинство) была ограничена в своих интересах и действиях замкнутым семейным кругом и находилась в полном подчинении у мужей. С

одной стороны, замкнутость женщин в сфере семьи и личного хозяйства исключала возможность использовать их как источник трудовых ресурсов интенсивно развивающейся экономики. С другой, – выводила за рамки тотального партийного контроля. Для создателей нового государства эти факторы представлялись проблемными не столько с точки зрения реализации программных обещаний установить равенство полов, сколько с позиций формирования кадров, способных обеспечить социалистическую модернизацию экономики и общества. Достижение этой цели осложнялось несоответствием между выдвинутыми задачами и исторически сложившимся и глубоко укорененным в общественные и семейные структуры неравенством женщин и мужчин, воплощенном в гендерных контрактах *женщины-домохозяйки* и *мужчины-кормильца*. Именно последнее делало очевидным необходимость преодоления патриархальных традиций и стереотипов, бытового раскрепощения женщин, сближения политического, образовательного, квалификационного, статусного уровней женской и мужской частей населения.

Шалыгина Н.В.
etgender@mail.ru

**Ценностные ориентации современных девушек в РФ
(новейшие тенденции в полоролевых установках
молодежи)**

Мониторинг молодежных ценностей за последние годы становится все более и более актуальной задачей гендерных исследований. Изменение социально-экономических и политических условий в Российской Федерации неизбежно влечет за собой новые модели поведения среди всех возрастных категорий. Но особенно это касается молодежи, переживающей период формирования ценностных ориентаций.

Появление в масс-медиа выражения «free-child» означает констатацию факта очередного ценностного скачка. В данном

случае речь идет о том, что российские девушки все чаще выбирают карьеру, предпочитая отказываться от деторождения в наиболее благоприятном для этого периоде своей жизни. Мотивация подобного выбора основана на том, что рожать и полноценно воспитывать ребенка в современных условиях становится все труднее. Молодые женщины, как и их сверстники-мужчины, ощущают необходимость «встать на ноги», получить профессию, обзавестись собственным жильем и получить независимость от родителей. Для решения подобного рода задач необходимы усилия, несовместимые, с их точки зрения, с полноценным уходом за ребенком. В результате все большую популярность получают такие модели полоролевого поведения, которые не включают в себя формирование полноценной семьи.

В то же время исследования ценностных ориентаций современной молодежи неоспоримо свидетельствуют о том, что есть и другая категория молодых женщин, способных совмещать карьеру с деторождением. Более того, именно эта категория женщин становится все более и более многочисленной, что вселяет определенный оптимизм в разрешении трудной демографической ситуации современной России.

Секция 2.
Женщины в политике.
Формы общественно-политического участия

Бойченко Л.Д.
larakira@onego.ru

Женщины в политике: все за и против системы квот

Конечно, я «за» квоты для участия женщин в политике хотя бы потому, что возможность участия женщин в политике появилась только в последние 100 лет. Нам известно, что письменному праву 40 веков, из них 20 веков до нашей эры – начиная с Законов Билаламы, и 19 веков нашей эры право было сугубо мужским, в том числе и право на участие в политике. Женщина долгое время была не субъектом права, а его объектом.

Наша сегодняшняя дискуссия по поводу квот для женщин в политике, насколько я ознакомилась с материалами сайта, зиждется, на мой взгляд, на терминологической несогласованности. Вряд ли современный образованный человек будет утверждать, что женщины в политике не нужны, но само слово «квоты» некоторых пугает, я думаю потому, что они над ним не очень-то много думали. И действительно, если мы посмотрим современные политические и юридические словари, мы не найдем этого слова, хотя «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (М., 2005. С. 268) говорит: «Квота – доля, норма чего-нибудь допускаемого», а «Современный словарь иностранных слов» (М., 1992. С. 275) объясняет, что слово «квота» – латинского происхождения и обозначает «часть, приходящуюся на каждого, или долю, часть, норму чего-либо допускаемого». Только «Словарь гендерных терминов» (М., 2002. С. 126) дает вразумительный ответ: «Квота для женщин – поддерживаемая законом норма представительства женщин. 30%-ное представительство в политических институтах считается “критической массой”, которая позволяет женщинам оказывать существенное влияние на политику. Согласно

рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин (1990 г.), критический 30%-ный порог должен рассматриваться как минимальная доля должностей директивного характера, занимаемых женщинами на национальном уровне». Т.о., квота – это механизм, который позволяет нашему обществу быть демократичным и правовым.

Существуют различные способы обеспечения представительства женщин в парламенте. Во-первых, имеются законодательные квоты, согласно которым женщины должны составлять определенную часть избранных представителей. Это имеет место во многих странах: в Италии, где женщины должны составлять до 50% в бюллетенях пропорционального представительства, Аргентине (30%) и Бразилии (20%). Такие квоты обычно воспринимаются как переходный механизм для закладки основ более широкого представительства женщин. Во-вторых, избирательный закон может требовать от партий выставлять определенное число женщин-кандидатов. Это имеет место в Бельгии и Намибии. В Аргентине существует дополнительное положение, по которому женщины должны занимать «выигрышные» позиции, а не в конце партийного списка. В-третьих, политические партии могут принять свои собственные неформальные квоты для женщин-кандидатов на парламентское место. Это наиболее частый механизм, используемый для поощрения участия женщин в политической жизни, и он используется с различной степенью успешности по всему миру.

Заболотная Л.П.

lilia_zabolotnaia2000@yahoo.com

Женщина в политике в средневековой Молдове. Общее или особенное?

Согласно нашим исследованиям, основанным на источниках эпохи, не известно ни одного случая правления женщин в средневековой Молдове, однако две известные и господствующие династии в Молдове – Богдэнешти-лор-

Мушатинов (середина XIV – конец XVI в.) и Мовилэ (1595–1629), – были в значительной степени определены по женской линии. Право на престол по мужской линии определялось по принадлежности к «кости» династии, а по женской линии – «по крови». В обоих случаях для признания законной преемственности в наследовании права на престол государями использовалась династическая правопреемственность по женской линии. Основоположником первой господствующей династии в Молдове был Богдан I (1359–1365). Его сыновья не оставили наследников, и прервавшуюся по мужской линии династию Богдэнештилор продолжил его внук Петр от дочери Мушаты, который вошел в историю под именем Петр Мушат (1375–1391). Отсюда произошло название династии Богдэнештилор-Мушатинов.

Для признания права основоположника династии Мовилэ, Иеремии Мовилэ (1595–1600, 1600–1606), на престол в Молдове и особенно ее международного статуса необходимо было подтвердить свою преемственность с предшествующей господствующей династией Богдэнештилор-Мушатинов. Единственным подтверждением этой связи было происхождение матери Иеремии Мовилэ, Марии Мовилэ, которая была дочерью Петра Рареша и внучкой Стефана Великого. Формы политической активности женщин в средневековой Молдове были довольно разнообразными. В некоторых случаях эти проявления носили универсальный характер, в некоторых особенный. В частности, в Молдове, как и в других европейских странах, в случае потери трона государем, его гибели или смерти, жены становились регентами своих детей и полноправными правителями государства. Некоторые из женщин вошли в историю как яркие политические персонажи. Характерной особенностью для Молдовы в указанный период были равные права на престол законнорожденных и незаконнорожденных детей. Большую роль в жизни таких детей играли их матери. В целом исторический материал наглядно демонстрирует, что в средневековой Молдове женщины имели определенный юридическо-правовой статус, который позволял им проявлять политическую активность. Наглядным примером

служит история династий, в которой именно женский фактор сыграл определяющую роль в смещении акцентов в изучении данной тематики.

Казакова-Апкаримова Е.Ю.
Apkarimova@mail.ru

Роль женщин в деятельности городских общественных организаций на Урале во второй половине XIX – начале XX в.

На материалах Урала и в общероссийском масштабе участие женщин в общественной жизни провинциального города во второй половине XIX – начале XX в. сравнительно недавно стало предметом специального внимания исследователей. Значительный научный интерес представляет, в частности, участие женщин в работе благотворительных и культурно-просветительских общественных организаций, обществ по организации досуга. Данная проблематика важна для углубления представлений об изменении социального статуса женщины в пореформенный период и ее включении в гражданское общество.

Цель доклада заключается в том, чтобы на материалах уральского города второй половины XIX – начала XX в. выявить роль женщин в деятельности городских общественных организаций, которые, бесспорно, можно отнести к числу формирующихся институтов гражданского общества в России имперского периода. Представляется важным установить численность женщин в городских общественных организациях (в среднем эта численность доходила от 5 до 30%), их роль в руководящих структурах (нередки были случаи председательствования в обществах) и формы конкретной деятельности. Уральские материалы позволяют говорить, что в рассматриваемое время женщины активно подключились к развитию благотворительности, просвещения и образования (школьного и внешкольного), воспитанию детей, развитию городского публичного досуга. Местные власти

покровительствовали участию женщин в общественной жизни уральского города. Показательно, что некоторые жены представителей местных властных структур и бизнес-элиты были инициаторами многих общественных начинаний на уровне благотворительности, образования и культурном поприще в целом.

Кашу–Софиан Д.А
casudiana@yahoo.com

Жизнь А.М. Коллонтай как отражение женской эмансипации

Политический режим большевиков, установленный в России с октября 1917 года, был направлен на создание нового общества и, соответственно, «нового человека». Важное место в этой стратегии занимал женский вопрос. Среди выдающихся деятелей большевистского течения, выступающих за радикальные меры в преобразовании общества, была А.М. Коллонтай, предложившая программу ускорения женской эмансипации. Взгляд А.М. Коллонтай на роль женщин в строительстве коммунистического общества был глубоко отмечен её личной жизнью, опытом политической деятельности, а так же судьбой женщины-революционерки. В данном выступлении нами предпринята попытка анализа взаимозависимости личного опыта и коммунистической идеологии в решении женского вопроса в деятельности А.М. Коллонтай.

Кись О.М.
oksana.kis@mail.ru

Коллизии традиционной женственности в национально-освободительном движении на Западно-Украинских землях в 1940-50-х гг.

В годы независимости Украины изучение ранее табуированных страниц национальной истории приобрело

особую актуальность. Деятельность Организации Украинских Националистов (ОУН) и Украинской Повстанческой Армии (УПА) на западно-украинских землях в середине XX века привлекли внимание многих исследователей. Однако вклад нескольких тысяч женщин, участвовавших в этом движении, остается практически неизвестным.

Немногочисленные публикации в этой области разделяются на три типа: (1) биографические справочники, содержащие краткие факты о жизни рядовых участниц и активисток ОУН–УПА; (2) личные воспоминания (устные и письменные) об участии в национально-освободительной борьбе; (3) попытки обобщения женского опыта в рамках деятельности ОУН–УПА. Последние, хотя и позиционированы как работы по женской истории, на самом деле противоречат ее принципам, так как основаны на эссенциалистских и стереотипных представлениях о миссии женщин в национальном строительстве и женской судьбе в контексте войны. В них женский опыт используется для иллюстрирования беззаветной преданности национальной идее и инструментализирован для усиления национального нарратива.

Личные воспоминания участниц национального подполья, факты женских био-графий свидетельствуют о массовости и разноплановости вовлечения женщин в национально-политическую борьбу. Гендерная идеология ОУН, основанная на принципе разделения и комплементарности женских и мужских ролей, воплотилась в создании отдельной «женской сети» подполья, основанной на территориальном принципе. Можно выделить три уровня вовлечения женщин в эту деятельность: *всестороннее* (член-ство в партии, включенность в организационные структуры, подчиненность прика-зам, уход в подполье), *активное* (постоянное выполнение разных ответственных поручений или функций, плотные контакты с членами ОУН), *пассивное* (вспомогательная деятельность, обеспечение задач «тыла», спорадические контакты с подпольем).

На «женскую сеть» возлагали задачи и функции, являвшиеся по существу продолжением традиционных гендерных ролей:

связь, разведка, конспирация (сбор сведений, функции связных, курьеров и проводников, обеспечение прикрытия для подпольщиков и т.п.); просвещение и пропаганда (изготовление и распространение агитационно-пропагандистских изданий, вербовка новых членов); медицинско-санитарная помощь (первая медицинская помощь и текущий уход за больными и ранеными партизанами в подпольных полевых лечебницах или в домашних тайниках); продовольственное обеспечение и бытовые функции (забота о питании и одежде партизан). Об участии женщин в боевых операциях УПА сведений крайне мало.

Массовое активное вовлечение девушек в политическую борьбу вело к разрушению основ традиционного гендерного порядка. Деятельность, которую они осуществляли, и опыт, который они получили, сильно изменили мировоззрение женщин, их ценностные ориентации, жизненные установки. Даже такая традиционно-базовая женская ценность как материнство была подчинена идее служения Нации. Из матерей, сестер, дочерей и жен обычные женщины превратились в политических активных и сознательных граждан.

Коваленко С.В.
oval5@rambler.ru

Патриархатные стереотипы в женской повседневности в контексте советской тоталитарной идеологии

В условиях структурной модернизации России проблема сохранения гендерных стереотипов и их негативного влияния на социальные и политико-правовые практики женского социума остается актуальной. Мировой опыт борьбы с гендерной дискриминацией показывает, что необходимым требованием при ее искоренении является преодоление патриархатных стереотипов. Именно изучение уроков тоталитарного прошлого России позволяет выявить истоки гендерной дискриминации, определить главные препятствия на пути достижения гендерного равенства в российском обществе. Анализ специфики бытования патриархатных стереотипов в социокультурной российской

среде в историческом контексте способствует не только развитию институциональной и правовой поддержки всех форм женского лидерства, но и преодолению основных преград модернизационным процессам в России.

В российском массовом сознании исторически сложилось стереотипное убеждение, оказывающее негативное влияние на формирование и развитие женского общественного лидерства. Оно рассматривает женщину как неполноценное существо, у которого отсутствуют какие-либо управленческие способности. Власть и мужчины выступают в качестве основного составляющего публичного пространства. Женщине отводится место в приватной сфере, где у нее также в большинстве случаев нет полномочий по принятию решений.

Повседневные общественные практики обнаруживали значительные препятствия при реализации эмансипационного большевистского проекта, при развитии важнейшего элемента структурной эмансипации – женского активизма (лидерства). И именно транслирование патриархатных стереотипов во многом обусловило скрытую дискриминацию женщин-общественниц в советский период.

Со стереотипами активистка сталкивалась не только в новой публичной сфере при попытке реализовать право на участие в управлении, на использование ресурсов власти, но и в привычном частном пространстве. Здесь она, занимая традиционное подчиненное положение, обеспечивала функционирование домашнего хозяйства, несла груз обязанностей по воспитанию детей. Руководствуясь многовековыми патриархатными установками, социум с целью сохранения собственной стабильности и поддержания традиционной системы гендерных ролей использовал различные методы давления на общественниц.

Козлова О.А.

koa100011@rambler.ru

**Наталья Кирилловна: мать Петра Великого и
Государыня Всероссийская**

Наталья Нарышкина, супруга царя Алексея Михайловича и мать будущего императора Петра Великого - это олицетворение поворота России к европейской культуре, а русской женщины - к образованности и просвещению, т.е. всему тому, что мы связываем с именем ее сына Петра Великого.

Молодость Натальи прошла во второй половине XVII века, когда в Московии были сильны каноны Домостроя, женщины рассматривались как носительницы греха, не имели решающего слова, не играли признанную социумом роль.

Выйдя замуж за овдовевшего царя, Наталья заведомо обрекала себя на роль «второй жены», должна была оставаться в тени, поскольку от первой, «незабвенной» Марии Милославской оставались наследники и добрая память.

Мария была женщиной домостроевского воспитания, выполнявшей традиции и заветы общества, Наталье были свойственны свобода мышления и действий.

В 1672 году она родила царю сына - соперника детям Милославской, выросло ее влияние на государя и при дворе. Влияние проявилось в элементах иностранной культуры при московском дворе - появился театр, за ходом спектаклей которого царица и царевны неявно наблюдали, вырос уровень образованности царевен и царицы, царь стал выезжать на охоту вместе со всей семьей, что противоречило устоявшимся в обществе традициям.

После смерти мужа царица осталась почитаемой овдовевшей матерью наследника престола, а с 1682 года стала матерью царя. Ее образ, восприятие жизни многое привили детям - Петру и Наталье, первый из которых реформировал русскую культуру на западный манер, вторая стала просвещеннейшей женщиной своего времени, создательницей придворного русского театра.

Противоречивость личности Натальи Нарышкиной в том, что она никогда не считала себя разрушительницей основ Домостроя, наоборот - боролась с иноземным влиянием; эмансипация знатной женщины начинается с нее, оформляется при Софье, закрепляется при Петре I.

Никонова И.Е.
Nik_Irene@mail.ru

Патриотизм как черта русского женского национального характера (размышления о его оценке в американской историографии)

Событиям Первой мировой войны и революции посвящено большое количество исследований отечественных историков. Но чаще в своих работах историки раскрывают традиционные гендерные роли, отведенные для женщин на войне: врачей, поваров, крестьянок и работниц фабрик и заводов в тылу, а роли воина и защитницы Родины не уделено должного внимания. Вот почему я решила обратиться к американской историографии русского женского военного участия в XX в., к оценке историй тех, кто посвятил свои исследования женщинам-солдатам и женским боевым батальонам. Их было немало – тех, что воевали рядом с мужчинами во время Первой мировой войны и продолжали оставаться на русской территории в дни революций 1917 г. Эти отважные женщины стали символами эпохи в Америке и на Западе, вдохновительницами женского движения, но в СССР их заслуги, по мнению американских ученых, были попросту забыты.

Творчество одной из американских исследовательниц, Лори Штоф, целиком посвящено сбору архивного материала по этому вопросу (в т.ч. материалов российского военно-исторического архива, архива военно-морского флота и др.), воспоминаний женщин, принимавших участие в военных событиях (например, Марии Бочкаревой), анализу работ российских и зарубежных исследователей, посвященных войне и революции с 1916 г. и до начала XXI в.

Исследовательница показала, что гендер – это важная часть концепций патриотизма и гражданства, суть которых значительно изменилась в период войны и революции. По ее мнению, эти концепции изначально были основаны на парадоксе. С одной стороны, мужчины воспитывались как защитники, а основой женской концепции патриотизма было

материнство. С другой стороны, женские боевые отряды должны были вдохновить мужчин на борьбу, поднять боевой дух солдат-мужчин и уровень гражданской ответственности. Но когда женщины пошли воевать, то, несмотря на то, что они показали себя храбрыми воинами, результат оказался неутешительным. Мужчины, воспитанные как защитники, оказались сбиты с толку, так как у них возник закономерный вопрос: а кого же они защищают? На примере судеб отдельных женщин-воинов и женских боевых отрядов очевидно, что русские женщины были основной частью женского движения начала XX в. Тем не менее, утверждают американские исследователи, они все же не смогли добиться значительного изменения традиционных гендерных ролей и расширения своих прав и привилегий в публичной сфере. Даже исключительные выносливость и мужество женщин, которые считались признаками мужской роли, не смогли опровергнуть концепцию разделения гендерных сфер. По окончании военных действий женщины должны были вернуться к своим традиционным занятиям. А те привилегии и права, которые женщины получили после революции 1917 г., стали возможными благодаря низвержению политической системы, ограничивавшей не только женщин, но и мужчин. Анализируя возрастную и социальную структуру, уровень грамотности женских батальонов, можно обнаружить степень сходства и различия в мотивациях женщин, участвующих в военных действиях, утверждает в анализируемой литературе.

Новикова Н.В.
ntlnvkv@mail.ru

«Национальный вопрос» в женском движении России начала XX в.

Движение женщин за политические права, широко развернувшееся во второй половине XIX – начале XX в. в различных странах по всему миру, необходимо рассматривать в контексте эволюции конституционно-правовых государств и национального строительства. Развитие «наций-государств»

(или «национальных государств») как особого исторического типа означало консолидацию обществ вокруг новых идеологических конструктов, среди которых категория «нация» становится ведущей детерминантой социальной и политической идентичности групп и индивидов.

Женское движение зачастую заявляло о своих наднациональных целях и строило стратегию на основе идеи сестринства, подчеркивавшей общность положения и нужд женщин всего мира. Однако подобные декларации не могли скрыть очевидную разницу в интерпретации деятельности движения характера власти в «своих» странах, природы отношений между мужчинами и женщинами в «своих» обществах и оптимальной стратегии политической борьбы. Более того, женщины чаще всего говорили о своей готовности участвовать в национальном строительстве, и политические права, по их мнению, делали их полноценными гражданами «своих» государств. Наконец, нельзя недооценивать и существование трений и напряженности между представительницами различных национальных групп, особенно заметных в пространствах империй. Проблемы центра и окраин, доминирования и подчинения, влияния националистических дискурсов на развитие женского движения помогут по-новому взглянуть на этот отрезок истории.

В Российской империи к началу XX в. движение женщин выражалось в деятельности ряда политических групп, активно проявлявших себя в Санкт-Петербурге, Москве, в крупных городах западных окраин. Судя по сохранившимся документам, русские активистки считали свою работу частью мирового феминистского движения, с одной стороны, а, с другой – подчеркивали специфику задач, стоящих перед *русскими* женщинами и перед *русскими* демократическими силами. Особое место занимают вопросы об инициативах представительниц национальных окраин и о взаимоотношениях лидеров женских групп. Все эти сюжеты помогают нам понять логику развития российского женского движения.

**Российские женщины в организованном
благотворительном
движении в конце XIX – начале XX в.**

Зачатки активной социальной реализации российских женщин напрямую связаны с отечественным благотворительным процессом. Ведь еще в Древней Руси благотворительность была практически единственным видом женской социальной деятельности, принимаемым и даже поощряемым обществом и церковью. Женские качества – милосердие, заботливость, терпимость – востребованы и в условиях оформления отечественного благотворительного процесса в организованное благотворительное движение в условиях пореформенной России. Создание, рост количества и специализация различных благотворительных обществ в стране со второй половины XIX в. совпадает с ростом социальной активности россиянок. Поэтому в большинстве своем женщины представлены как среди инициаторов создания многих благотворительных организаций частного характера, так и среди их самых активных участников. Мотивами к этому были не только упомянутые выше качества женской природы и объективно набравшие в своем развитии силу процессы социализации женщин. Немаловажным был и пример особ царствующей фамилии, женщины из которой не только создавали и возглавляли различные российские благотворительные ведомства, но и были достаточно успешны в этом. Более того, многие из женщин, получивших опыт работы в патронированных членами царской фамилии благотворительных ведомствах полугосударственного–полуобщественного характера, использовали его в качестве инициаторов создания и членов благотворительных обществ частного характера.

Действуя под опекой местных администраций в лице губернаторов и начальников Областей и будучи подотчетными в большинстве своем Министерству внутренних дел Российской империи, благотворительные общества работали в сфере

попечения об образовании «недостаточных» детей и взрослых, организации и предоставления им самых различных видов социальной помощи. Женщины – часто руководители, и всегда – большинство среди членов таких объединений, использовали в своей работе те ее формы, которые согласовывались с условиями региона проживания, с особенностями социального и национального состава населения.

К концу XIX в. в отечественном благотворительном движении значительное место заняли отдельные женские благотворительные общества, занимавшиеся главным образом проблемами женщин, детей; среди них присутствовали и женские национальные благотворительные общества.

Государство всячески поощряло благотворительную деятельность в стране, невзирая на недоверие к общественной инициативе как таковой. Более того, организованная благотворительная деятельность, в которой российские женщины были ее наиболее активным компонентом, приобретала для страны особую значимость в условиях активных военных действий. Особенно яркую страницу в истории благотворительности России рубежа XIX–XX вв. вписали женщины, действовавшие в рамках женских благотворительных организаций «Чашка чаю», Дамских Комитетов региональных отделений Российского Общества Красного Креста и различных благотворительных ведомств, создававшихся под патронажем женщин императорской фамилии в военное время.

Радина Н.К.

rasvnn@gmail.com

Женщины-руководители: «дежа вю» пост-советского периода

В настоящее время среди руководителей высшего звена по-прежнему преобладают мужчины, однако в регионах и в центре некоторые руководящие позиции представлены женщинами. Поскольку женское лидерство в СМИ представляется неоднозначно, нами было предпринято исследование,

посвященное анализу представлений, при помощи которых в региональных СМИ конструируется образ женщины-руководителя. Наиболее значимый вывод по итогам проведенного исследования заключался в том, что позитивный образ женщины-руководителя создается благодаря ее включению в сильную команду мужчины - лидера более высокого уровня. Поскольку данное исследование было выполнено на «региональном» материале, результаты исследования мы предполагали опубликовать в региональных СМИ, однако данная попытка не увенчалась успехом: редакторы отказались принимать «положительный материал» о фигурах, чья деятельность и личность стали материалом нашего исследования.

Положительные образы женщин-руководителей, созданные в региональных СМИ, в неформальных беседах были высмеяны и обесценены. Таким образом, «заказные материалы» положительно описывают лидеров-женщин, однако данные руководители не представляют интересы и мнения «женского сообщества», они – члены «мужских команд» и отстаивают командные интересы. С другой стороны, журналисты и редакторы косвенно дают знать, что эти «положительные образы» фальшивые, созданные благодаря цензуре. В СМИ реконструируются условия «двойной реальности»: официальные восхваления женщин-руководителей сочетаются с неофициальным обесцениванием их. Какая реальность оказывает большее влияние на читательниц, планирующих сделать карьеру в управлении, покажет время.

Рейт О.Ч.

olegreut@psu.karelia.ru

Российский медийный дискурс феминизации американской внешней политики

Современная американская внешняя политика всё более феминизируется – по крайней мере, в восприятии российского политического класса и Интернет-активного сегмента социума.

Последняя президентская кампания в США ознаменовалась рядом новых событий и явлений, которые в значительной степени затронули процесс структурной самоорганизации американского политического режима. Впервые в стане демократов на стадии предварительных выборов на победу реально претендовала г-жа Х. Клинтон. Впервые от республиканцев на должность вице-президента была номинирована г-жа С. Пэйлин. Эти два момента оказали чувствительное влияние на ход кампании в разрезе электоральных предпочтений традиционных социальных групп и страт.

В администрации президента Б. Обамы г-жа Х. Клинтон стала третьим государственным секретарем–женщиной. Ряд ключевых постов в посольском корпусе и собственно аппарате госдепа так же оказались заняты женщинами. Появление дам в высших эшелонах американской политики, особенно по направлениям, считавшимся «исконно мужскими» – международные отношения, национальная безопасность и оборона – свидетельствует о той политической, информационной и культурно-просветительской роли, которую сыграло феминистское движение в трансформации социального порядка. Это прежде всего касалось преодоления гендерных разрывов в применении к внутривнутриполитическим процессам. Мы рассматриваем процесс формирования и развития российского (русскоязычного) медийного дискурса нынешнего (современного) этапа феминизации американской внешней политики. Особое внимание уделяется индивидуальным масс-медиа (блогам), расположенным на блог-хостинговой площадке livejournal.com. Политическое проникло в блоги, воспринимая их не просто в качестве очередной технологии или современной информационно-коммуникационной среды, а как особый вид медиа, «заточенный» под реализацию в том числе и политических задач. В настоящее время в России более пяти миллионов блог-читателей и авторов (блоггеров). Политический и политизированный сегменты российской блогосферы представляют несомненный исследовательский интерес как с позиций «перетекания» реальных политических событий в

блогосферное пространство, так и с позиций формирования российского медийного (и кроссмедийного) дискурса, испытывающего множественное влияние тех акторов и институтов, которые уже не мыслят себя вне феминистски детерминированной организации политической и общественной жизни.

Сулейманова Р.Н.
rnsulejman@mail.ru

Общественный быт и статус башкирской женщины

Социальный статус башкирской женщины в XX столетии, безусловно, претерпел кардинальные перемены. Положение женщин, их социальный статус, роль и место во всех сферах общественной жизни, реализация равных с мужчинами политических и гражданских прав, закрепленных в Основном Законе – Конституции Республики Башкортостан 1993 г., существенно изменяет традиционное представление о них. Теперь, как видно из реальной жизни, женщинам в большей мере присущи такие черты поведения, как способность самостоятельно принимать решения, отстаивать свое мнение, защищать свою независимость, достоинство и т.д. Ввиду больших возможностей, чем у сельчанок, в выборе жизненного пути и профессии, современные горожанки, среди которых немало башкирок, такое решение зачастую принимают самостоятельно, исходя из собственных сложившихся представлений, личных качеств, вкусов, обстоятельств жизни, и в этом им оказывается обществом экономическая и моральная поддержка. Это в целом характерно и для всех женщин, чему свидетельством служит активизация их участия в общественно-политической жизни, в сфере бизнеса и предпринимательской деятельности и т.д.

В общественно-политической жизни республики наблюдалась активизация женского фактора. Особенно высокую активность показали поначалу башкирки, объединившиеся в Общество башкирских женщин (ОБЖ). Происходило возрождение

женсоветов и становление женского движения в республике. Кроме объединения башкирок–горожанок, а они были первыми в создании женских общественных объединений в республике в постперестроечный период, последовало создание следующих женских этнических организаций и союзов: Общество татарских женщин “Ак калфак”, Общество украинских женщин “Берегиня”, Союз русских женщин “Надежда”. Также появились женские ассоциации, клубы, и даже возникла партия. Но вскоре начавшийся подъем социальной активности сменился разочарованием в политике, падением доверия ко всем партиям и общественным движениям. Да и в самом женском движении, в женских организациях качественных изменений, большого разнообразия форм работы, тем более политической направленности, пока не чувствуется. Сколько времени доказывавшие свою необходимость и действенность, к сожалению, эти органы на современном этапе не сумели стать самостоятельной и влиятельной силой в общественно-политической жизни. Выборы в Государственное Собрание (Курултай) Республики Башкортостан, Советы всех уровней, представительство женщин в органах управления, министерствах, самом правительстве, других государственных органах показывают, какое фактическое место они занимают в нашем обществе (увы, официальной статистики по представительству женщин в этих сферах управления, тем более по этническому признаку, нет, но если только исходить из личных наблюдений и подсчетов, то можно насчитать там мизерное число башкирок, а на первых должностях их вовсе нет). Эта ситуация характерна для всех сфер общественной жизни и распространяется на все женское население. И можно сказать, что сегодня органы власти – без женщин, так как они оказались фактически вытесненными из активной политической жизни, отчужденными от участия в разработке и принятии государственных решений. Конечно, отрицать наличие многих новых позитивных тенденций в активизации роли женщин, в частности, башкирок, в общественно-политической жизни, в других сферах общества на современном этапе не можем. Однако невостребованность огромного женского потенциала –

налицо. Истинные причины подобного положения более глубокие, они исходят прежде всего из того, что женскому вопросу в государственной политике продолжает отводиться второстепенное значение.

Савчук А.А.
adas_87@mail.ru

Женотделы на Дальнем Востоке как инструмент вовлечения женщин в политику: цели, пути реализации и результаты

На Дальнем Востоке женотделы начали функционировать позже, чем в остальных частях страны. Причинами этого стали более длительная интервенция, существование ДВР и удаленность от центра. Пик активности женотделов приходится здесь на 1924 – 1925 гг. Основными целями и задачами женотделов были вовлечение женщин в социалистическое строительство, повышение грамотности женщин, вовлечение женщин в управление страной и привлечение их на сторону большевиков. Пути реализации были следующие: культурные мероприятия и экскурсии, занятия ликбеза, прикрепление делегатов к отдельным отраслям производства, организация курсов для женщин-членов и председателей сельсовета и т.д. Тем не менее, сразу начали формироваться специфически женские отрасли деятельности (уход за детьми, работа на кухне, контроль над санитарным состоянием предприятия, обследование условий труда и ряд других), которые были менее престижны и меньше оплачивались. При попытке проникнуть в более высокие эшелоны местной власти женщины столкнулись с проявлениями сексизма со стороны мужчин как носителей власти. Более низкая грамотность, загруженность домашними делами и необходимость смотреть за детьми привели к тому, что очень маленький процент женщин смог пробиться в более высокие эшелоны власти, а впоследствии сложился ряд преимущественно «женских» отраслей деятельности: образование, здравоохранение, секретариат и ряд других.

Процент же тех женщин, которые смогли подняться выше по карьерной лестнице, был крайне низок и составлял 10–15%.

Солодянкина О.Ю.
olga_solodiankin@mail.ru

Модель образования с гувернанткой в дворянских семьях (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Домашнее образование было весьма распространенной формой получения образования девочками в дворянских семьях в конце XVIII – первой половине XIX в. В представленном докладе рассматривается, каким предметам обучали девочек, как соотносились вопросы воспитания и образования, какие требования предъявлялись к наставницам-гувернанткам.

Анализируется тогдашняя педагогическая литература и образовательные модели, содержащиеся в педагогических сочинениях, а также разбираются тексты сочинений, написанных иностранными гувернантками во время прохождения испытаний в российских университетах для получения свидетельства на право домашнего обучения. Темы «О воспитании девочки», «О качествах истинной леди», «Об обязанностях гувернантки» и т.п. были одними из излюбленных у экзаменаторов. Анализируются дневниковые записи и письма гувернанток, где поднимаются вопросы женского образования, сравниваются требования, предъявляемые к мальчикам и девочкам, говорится о конкретной педагогической деятельности, осуществляемой гувернантками в русских дворянских семьях.

Отдельно освещается проблема отношения к гувернанткам их воспитанников, родителей воспитанников, других родственников и соседей.

Модель образования с гувернантками рассматривается в динамике, выявляются различия, вызванные разным уровнем квалификации гувернанток. Сравняются модели, реализуемые наставницами – представительницами разных национальностей.

**Екатерина Николаевна Щепкина (1854 – 1938):
жизнь и творчество**

Проблематика доклада обусловлена недостаточной персонификацией женского движения рубежа XIX – XX в., несмотря на то, что его социальные и политические достижения давно находятся в центре внимания исследователей. Общие сведения об активистках первой волны российского феминизма, в том числе и об историке и публицистке, общественной деятельнице рубежа XIX – XX в. Екатерине Николаевне Щепкиной (1854–1938) содержатся в литературе (R. Goldberg, L. Edmondson, R. Stites, З. Гришина), но недостаток работ биографического жанра для этого периода уже отмечен в историографии (Н. Пушкарева). Личность Е.Н. Щепкиной в свете «женской истории» представляет интерес по ряду причин. Во-первых, она была одной из активисток суфражистского движения. Ее имя неразрывно связано с основными женскими политическими организациями Российской империи – Союзом равноправия женщин (1905–1907) и Российской Лигой равноправия женщин (1907–1917). В меньшей степени известна ее работа в Русском женском взаимно-благотворительном обществе (1895–1918). Во-вторых, Е.Н. Щепкина являлась не только организатором, но и идеологом российского феминизма, она активно печаталась в феминистских журналах «Союз женщин», «Женский вестник», ведущих общественно-политических и просветительных периодических изданиях, выступала с лекциями и докладами по истории женского движения. В-третьих, Екатерина Николаевна была в числе первых женщин – профессиональных историков. В общей массе ее произведений можно выделить труды по русской истории с древнейших времен до начала XX века; работы по женской истории, в развитие которой она внесла свою лепту; статьи по

революционному (история декабристов) и женскому движению. И, наконец, что немаловажно, сохранился личный фонд Екатерины Николаевны, материалы которого позволяют составить представление о профессиональной, научной и общественной деятельности фондообразователя, а также сделать вывод о значении личных фондов для изучения женских общественных организаций, и женской истории в целом.

Шатохина С.Б.
shatohina@bsu.edu.ru

Мотивация образованной женщиной российской провинции своего пути из семьи в профессию во второй половине XIX в.

Образованная женщина в России до середины XIX в. за редким исключением не имела возможности использовать свои знания для общественного служения: для занятия мест в государственных, частных и общественных учреждениях и организациях. Свои знания и способности женщина могла применять в воспитании детей, самообразовании. Даже общение в кругу родных и друзей не всегда давало возможность ей проявить свою эрудицию без опасения, что ее могут обвинить в излишней учености, гордости, превосходстве над мужчинами. Модернизационные процессы разрушили устоявшуюся структуру общества, открыв новые возможности для реализации женщинами своих способностей. Поэтому к началу XX в. обычным явлением стала женщина, работавшая учительницей, фельдшерницей, занимавшая конторские должности на государственных и частных железных дорогах, почте или телеграфе, в газетах.

Путь из семьи в профессию у каждой женщины был свой, однако можно выделить несколько мотивационных вариантов такого движения. При этом следует заметить: редко когда мотив был единственным, порой сама девушка не могла для себя с полной уверенностью определить, что же было основополагающей причиной выбора профессии и начала

трудовой деятельности. Хотя часто доминирующий мотив выявить можно.

Одним из распространенных мотивов в рассматриваемый период была вынужденная экономическая потребность в работе. Хотела или не хотела девушка избрать для себя какое-либо профессиональное поприще, но что было делать, если семья влачила жалкое существование, выгодного замужества не предвиделось, нужно было на что-то жить, а иногда и кормить семью на свое небольшое жалование. Похожим мотивом было юношеское стремление стать стопроцентно самостоятельной и экономически независимой, к этому часто добавлялось желание порвать с семьей, не разделявшей идейных ценностей девушки.

В других случаях идейный мотив являлся главным. Здесь можно выделить вариации, связанные с приверженностью девушки тому или иному идейному направлению – народничество, толстовство (и более поздние радикальные революционные течения), литература («сеять разумное, доброе, вечное»), «теория малых дел». Иногда сопутствующую роль играл стимул подражания. Примером, образцом в этом случае выступал лично известный и авторитетный для девушки человек – сестра, подруга, учительница и др.

Шафигуллина Л.Р.
Lyasian.Shafigullina@ksu.ru

Женщины в Государственном Совете Республики Татарстан (1995 – 2009 гг.): избирательные кампании и парламентская деятельность

За 14 лет с момента первых выборов в Государственный Совет РТ (1995 г.) число женщин-кандидатов (7%–15%) и женщин-депутатов (4,6%–14%) постепенно возра-стает. Трансформация избирательной системы и процесс партстроительства воздействует на представительство женщин в выборных органах власти Республики Татарстан (Государственный Совет). После изменения избирательной системы в РТ в 2004 г. важным каналом рекрутирования женщин в данный институт власти

стали партии, следует отметить партии-фавориты («Единая Россия» и КПРФ). Можно предположить, что эта корректировка партийных позиций была произведена с расчетом на завоевание дополнительных симпатий со стороны избирателей, самой дисциплинированной частью которых в России продолжают оставаться женщины.

1 марта 2009 г. прошли выборы в парламент Республики Татарстан, которые про-демонстрировали отличные от предыдущих избирательных кампаний результаты (например, изменение подходов к отбору женщин в свои списки у партий-фаворитов и партий-аутсайдеров; более продуманная партийная политика по отношению к женщинам; омоложение списков кандидатов от партий и соответственно депутатского корпуса и др.).

Наш анализ списков кандидатов в депутаты Государственного Совета РТ показал, что от одной избирательной кампании к другой происходило постепенное, пусть и не слишком значительное, повышение доли женщин в общем числе кандидатов в депутаты. Однако, партии-фавориты избирательных кампаний и партии, не имевшие серьезных шансов победить на выборах, по-разному подходили к отбору женщин в свои ряды – и в количественном, и в качественном планах. Партии-фавориты в обеих избирательных кампаниях продемонстрировали одинаковые показатели. Партии-аутсайдеры значительно активнее работали с женщинами, приглашая их в свои предвыборные списки в 2004 г., а в 2009 г. уже нет.

Сравнивая корпус кандидатов и депутатов по такому показателю, как возраст, мы замечаем, что произошло его омоложение. Удивляет попадание в Госсовет РТ молодых женщин до 30 лет (3 чел.), причем их больше, чем мужчин, тем самым соблюден гендерный паритет в этой возрастной группе (причем все из партии «Единая Россия»).

В канун последней кампании «Единая Россия» в своей партийной деятельности сделала ставку на работу с молодежью, пообещав многим лидерам молодежных объединений быстрый карьерный рост. Отсюда – и очевидный акцент на омоложение

списка кандидатов депутаты от партии власти, в том числе и за счет женщин. Некоторые партии стали заботиться о целенаправленной подготовке собственных кадров для политики, которые представляли бы различные слои общества, его различные возрастные группы. Совершенно очевидно, что от созыва к созыву происходит пусть медленное, но явное расширение возрастных границ отбора женщин в списки кандидатов, что в целом увеличивает и их шансы на завоевание мест в парламенте.

Следует отметить, что среди кандидатов избирательных кампаний 1995, 1999, 2004, 2009 гг. высок был уровень представителей исполнительной власти (главы администраций районов, городов, сел, мэры городов, министры Правительства РТ). Это доказывает, что на выборах активно используется административный ресурс. В предпочтительной ситуации оказались представители номенклатуры и бизнесмены. Главным их козырем были финансовые ресурсы, которые позволяли им вести предвыборную агитацию в различных формах, не считаясь с затратами. На этом фоне рядовые кандидаты, в разряд которых входят и женщины, были обречены на поражение.

Конечно, невозможно оставить без внимания и рассмотрение депутатской деятельности женщин в Госсовете РТ, на основе чего можно оценить насколько активно и продуманно они отстаивают интересы женщин в представительном органе власти.

Во всех четырех созывах женщины занимали пост Секретаря Госсовета РТ. Ни одну из комиссии женщины не возглавляли. В основном женщины-депутаты на заседаниях поднимали вопросы из социальной сферы.

В источниковедческую базу входят списки кандидатов в депутаты на выборах от различных политических партий; материалы Центральной избирательной комиссии, включая законодательные акты о выборах, официальные результаты подсчета голосов избирателей; биографии женщин-кандидатов и женщин, получивших депутатский мандат; стенограммы сессий и заседаний комитетов Государственного Совета РТ.

Юкина И.И.
irinayukina@mail.ru

**Формирование коллективной гражданской
идентичности русских женщин как феминистский проект:
1880-е – 1917 гг.**

Любая идентичность формируется через политики включения и исключения. Политика исключения женщин из электорального процесса и партийного строительства в России была менее жесткой и репрессивной, чем в странах Запада. Причина этого явления та, что до 1905 года избирательных прав в стране не имел никто – ни мужчины, ни женщины. Мужчины и женщины ощущали себя равными в своем политическом бесправии. Другим результатом этого явления стало широкое вовлечение женщин в радикальное, а затем и в либеральное социальное движение. В движениях женщины рассматривались как активные и деятельные его члены. Формирование протестной политической культуры в России шло при активном участии женщин.

1905 год положил начало политике исключения женщин как социальной группы из политического процесса. Первый избирательный закон в Российской империи (1905), так же, как и в Европе, не предоставил женщинам избирательных прав. Дискурсы исключения женщин продуцировались разные, можно сказать, диаметрально противоположные. Консервативные политики и партии транслировали идею об анархизме и радикализме «женского элемента». Либеральные партии – о консерватизме русской женщины и в особенности русской крестьянки. Одновременно с тем развивались и политики включения. Женщины участвовали в деятельности центристских и левых партий и даже вошли в их руководящие органы. 1905 год также стал знаковым для развития феминистского движения в России, которое взяло курс на получение избирательных прав и формирование коллективной гражданской идентичности русских женщин различных сословий и состояний. Именно участницы женского движения развивали дискурс движения в

вопросе формирования гражданской идентичности русской женщины. Женские журналы – массовые и феминистские – развивали тему женщины-гражданки. Это статьи А. Кальманович, М. Покровской, Е. Щепкиной. Другое направление феминистского дискурса – феминистская критика, противодействие «западному» мизогинистскому влиянию. Прежде всего это статья М. Янчевской «Женщина у Вейнингера».

Якушкина Е.И.
eyakushkina@yahoo.com

Роль женских организаций г. Воронежа в реализации принципа равных прав и равных возможностей мужчин и женщин

На сегодняшний день население Воронежской области насчитывает 2280 тыс. чел., количество мужчин составляет 45,5%, женщин – 54,5%. В то же время представительство женщин в законодательных органах области и города чрезвычайно низкое. Только 3,7% женщин занимают депутатские места в областной Думе (из 53-х депутатов – 2 женщины) и только 5,5% женщин являются депутатами городской Думы (Из 36-ти депутатов – 2 женщины).

Причин такой диспропорции много: это и слабость развития институтов гражданского общества, и невысокая политическая активность самих женщин, низкий уровень развития демократии, недостаточная нормативно-правовая база, устойчивое сохранение социально-культурных патриархатных традиций и стереотипов.

Одним из источников позитивных изменений, на наш взгляд, может стать более активная деятельность женских организаций. Только в Воронеже насчитывается около 40 женских объединений, распространенной формой общественных организаций в районах области являются женсоветы. Так, в Калачеевском районе области, на-пример, насчитывается 26 таких организаций. По словам Л.Д. Шевляковой, пред-седателя областного женсовета, сегодня эти объединения насчитывают

около 200 тыс. чел., т.е. женсоветы вместе с женскими неправительственными организациями образуют многочисленную заинтересованную силу.

Для достижения паритетного представительства мужчин и женщин в органах власти необходим ряд мер, важнейшей из которых является создание в регионе государственной структуры по гендерному равенству. Необходимо также разработать программу взаимодействия со СМИ по информированию о деятельности женских организаций, по созданию позитивного образа женщины-лидера, по поддержке выдвинутых женских кандидатур в период избирательных кампаний; принимать участие в работе партий, профсоюзных организаций, строить партнерские отношения с бизнес-структурами.

Женские организации, представленные в областной Общественной палате, имеющие свой печатный орган, газету «Коммунарочка», женщины, занимающие ключевые посты в исполнительной власти (первый вице-губернатор, курирующая социальный блок, руководитель департамента труда и социальной политики, руководитель областного казначейства, пресс-секретарь губернатора, помощник губернатора по вопросам материнства и детства), могут и должны целенаправленно и неуклонно добиваться реализации принципа равных прав и равных возможностей женщин и мужчин в регионе.

Секция 3.
Труды и дни. Женский труд и женская повседневность

Белова Н.А.
natale4ka@inbox.ru

**Быт и уровень жизни провинциальных учительниц
1920-х гг. (на материалах Костромской губернии)**

История повседневности учителей – это история повседневности женщин, поскольку на протяжении всего советского периода абсолютное большинство преподавателей средней школы было женского пола. В этом смысле история учительства в Российской Федерации – это женская история. В качестве предмета рассмотрения мною взято положение преподавательниц средней школы в первые годы Советской власти. Они не были центральными фигурами культурной революции, как о том мечталось вождю большевистской идеологии. Несмотря на его требование поставить учителей «на такую высоту, на которой они никогда не стояли», в реальной жизни педагоги советской школы были опущены гораздо ниже того уровня, на котором находились до революции. Учительский доход был одним из самых низких по стране, так, по официальным данным платежных ведомостей, заработная плата учительниц колебалась в 1921 году от 2400 рублей до 14800 рублей в месяц, килограмм картофеля стоил 300–400 руб. за пуд, муки – 1600 руб. По данным народного питания, суточная норма калорий для работников просвещения была одной из самых низких.

Ещё большее ухудшение произошло в начале 1922 года, когда промышленные предприятия стали переходить на хозяйственный расчет. Многие учителя не получали заработную плату в течение полугода и вынужденно бросили школу, начав искать другую работу: давали частные уроки, нанимались поденщиками к местным кулакам, иногда просили милостыню. Их место заняли женщины. И они самоотверженно – как всегда делалась женская работа – взялись за дело. Отношение к работе

точно характеризуют слова учительницы П. Цветковой: «Прекрасна все-таки профессии учителя! Как благородна она, как чиста в своих устремлениях и какое великое удовольствие она дает всем!»

Волкова Е.Ю.
v-0-8@yandex.ru

Особенности предпринимательской и благотворительной деятельности женщин в XIX веке (на примере Костромского края)

В докладе рассматривается достаточно редкий для женщин XIX века род занятий – их предпринимательская деятельность. Анализируется социальная принадлежность женщин-предпринимательниц, причины, побудившие их заниматься бизнесом. Показаны достижения и проблемы, встававшие на их пути.

Для примера не случайно взят Костромской край, так как здесь всегда женщины преобладали в численности населения, а по числу рабочих Костромская губерния занимала 14 место среди 31 губернии европейской части России. Делается вывод, что, несмотря на явные успехи предпринимательниц, основной их массе был закрыт путь в бизнес. Это было связано с униженным положением женщины в российском обществе, что закреплялось и в «Своде законов Российской империи».

Но женщины сумели найти применение своим силам, энергии, организаторским способностям на пользу общества в благотворительной деятельности. На примерах доказано, что основные силы женщин были сосредоточены на организации помощи материально незащищенным слоям населения, прежде всего старикам и детям, на оказании содействия в развитии культуры, образования и здравоохранения. Они говорят о несомненных талантах женщин, их обладании прекрасными чертами руководителя, организатора. Однако в целом успехи женщин были крайне незначительны. От этого много теряли не только они сами, не находя применения своим талантам, но еще

больше проигрывало российское общество.

В конце проводится параллель с современным положением женщин-предпринимательниц. Казалось, сейчас они получили небывалую свободу, тем не менее, у женщин постоянно возникают проблемы, в том числе и по признаку пола. Особенно это касается провинциальных городов, таких как Кострома. Поэтому необходимо использовать наработки старых времен и не повторять их ошибки.

Жидкова Е.М.
zhidkovael@mail.ru

**Уроки труда в советской школе: гендерный аспект
(динамика изменений предмета, учебного текста и
идеологической подоплеки в организации уроков труда
для девочек)**

Советская школа всегда была трудовой; были времена, когда она даже носила это название. Однако «труды» в иерархии школьных дисциплин заняли одно из последних мест. Такой школьный предмет, как «труд», в разные периоды играл разную роль в обучении детей. Он неоднократно менял свое название благодаря политической составляющей и новым задачам – «труд», «обслуживающий труд», «трудовое обучение», «политехническое обучение», наконец, «технология». Более того, на целое 20-летие этот предмет вообще был удален из школы и вернулся при Н.С. Хрущеве, в период строительства коммунизма. Попытки найти ему достойное применение и наполнение отразились в череде преобразований. Труд как базовая советская ценность, идейный характер коллективного труда и попытки избегать параллелей с малопродуктивным домашним трудом, гендерно стереотипизированная профориентация, акцент на общественно-полезном характере малопрестижных профессий сферы обслуживания, к которым этот школьный предмет готовил, – вот неполный перечень тем, достойных раскрытия и обсуждения.

Интересен также исторический и культурологический анализ

условий школьной реформы послевоенных десятилетий. Речь идет не о лекалах и выкройках, а о том идеологическом обрамлении, которое неизбежно присутствует в трудовом воспитании – это и критика мещанства, и акцент на связи с производством, и технический прогресс, и наступление массового общества с потребительскими проблемами. Идеологическая нагрузка предмета заметна даже при беглом знакомстве с учебными материалами. В то же время нельзя не помнить о задаче воспроизводства рабочего класса, получении трудовых навыков школьниками, что отразилось в многочисленных кампаниях и постановлениях о связи школы с жизнью, школьных производственных бригадах, производственных практиках, соревнованиях юных кролиководов и в иных починах. Заказ времени влиял на учебный текст, вроде бы далекий от идейных колебаний и партийного курса.

В постсоветское время наметился более традиционалистский подход, своеобразный откат в преподнесении и закреплении разделения труда по признаку пола, воспроизводстве гендерных стереотипов. Появились отдельные учебники для мальчиков и девочек, чего избегали ранее, более заметна консьюмеристская направленность предмета на формирование не столько производителя, сколько грамотного потребителя.

Литвин Ю.В.

litvinjulia@yandex.ru

**Женщины российского Севера в публикациях
путешественников и исследователей
конца XIX — начала XX в.**

В конце XIX в., когда с новой силой зазвучал «женский» вопрос, возрос интерес к изучению регионов Российской империи, провинциального и сельского быта. Многие исследователи и путешественники, побывавшие в Олонецкой губернии и в других регионах российского Севера, описывая природу, особенности экономического развития края, быт,

внешность населения изучаемой области, обращают внимание и на женщину. «Мужской» взгляд на положение женщины в традиционной семье и обществе отличается от мнения немногочисленных женщин-исследовательниц, которые также обращали внимание на место крестьянки в семье и деревенском сообществе. Их повествование отличалось от «мужских» описаний большей эмоциональностью и вниманием к деталям. В целом такого рода описания дают представление не только о том, как выглядела крестьянская женщина – будь то поморка, жительница русского Обонежья или карелка, но позволяют выявить и некоторые специфические этнокультурные особенности разделения труда в крестьянской семье, характер специфически мужских и женских занятий в соседних регионах. Источниками для подготовки доклада послужили опубликованные в конце XIX–начале XX в. записки и статьи исследователей и путешественников российского Севера – Н. Березина, А.В. Елисеева, А.Я. Ефименко, М.А. Круковского, И.В. Оленева, В.Н. и Н.Н. Харузиных, А.П. Энгельгардта, др.

Лыткина Т.С.
tlytkina@yandex.ru

Дом и домашняя работа в условиях гендерной трансформации

Несмотря на активное изучение гендерной проблематики, развитие гендерной социологии в России и даже «русского» феминизма, недостаточно уделяется внимание изучению трансформации частной сферы в рыночных условиях: анализу конфликтных ситуаций, связанных с перераспределением обязанностей в семье под давлением внешних обстоятельств в условиях рынка, ожиданий и относительной автономностью способов реализации частных интересов мужчины и женщины.

Основные дискуссии исследователей разворачиваются по поводу дискриминации женщины на рынке труда и низкой значимости (оценки) женского труда в семье. В то время как изучение организации домашней сферы способствовало бы

раскрытию механизма устойчивости патриархатных отношений, а также позволило бы определить векторы трансформации домашнего хозяйства (и гендерного порядка в целом) в современном мире.

В данной работе мы попытаемся показать, каким образом через организацию домашней сферы и разделение зон ответственности (распределения домашних обязанностей) разрешаются конфликты между ожиданиями (представлениями о муж-ских и женских ролях в семье) и способами их реализации.

Для постановки проблемы и первоначального анализа послужили глубинные интервью в семьях с ограниченными социальными ресурсами. С нашей точки зрения, классовая позиция и женская ориентация на эксплуатацию собственных ресурсов приводят к закрытию зон ответственности, а в организации домашней сферы – консервации (укреплению) патриархатных отношений в современных условиях.

Панкова-Козочкина Т.В.

tatiana@novoch.ru

Борьба с алкоголизмом в южнороссийской деревне 1920-х гг.: гендерный аспект

В условиях революционных потрясений первых десятилетий XX в. крестьянская «питейная культура» в определенной мере подверглась кризису, хотя многие крестьяне старались придерживаться традиций: пить в меру, чаще всего по праздникам и преимущественно по завершении основных сельскохозяйственных работ. Так, в винодельческих районах Юга России, как указывали сторонние наблюдатели в середине 1920 гг., был распространен обычай устраивать, так сказать, «праздник вина», справляющийся по окончании сбора винограда, когда появляется первое вино нового урожая. Как и в былые времена, слова «пьяница», «лодырь», «бездельник» выступали как синонимы в лексиконе крестьян-тружеников 20 гг. В целом советская доколхозная деревня, как и город, стала пить больше, причем далеко не всегда крестьяне стремились

увязывать потребление алкоголя с праздничными датами календаря и сельхозкампаниями. Об этом, как обоснованно утверждают специалисты, имеется огромное число свидетельств, создающих впечатление, что ситуация с пьянством в 1920 гг. не выправлялась, а постоянно обострялась.

Антиалкогольные инициативы властей находили поддержку у определенной части населения и прежде всего у женщин. В частности, горячими сторонницами борьбы с пьянством были казачки и крестьянки Юга России. Причины резко отрицательного отношения сельских женщин к алкоголизму как явлению крестьянско-казачьего быта 1920-х гг. были очевидны. Исследователи, а также сами крестьяне и крестьянки указывали, что пьянство подрывает семейный бюджет и ведет к оскудению семьи. Так, в стихотворении селькора «Крестьянской газеты» были и такие, вполне жизненные, строки:

Ой яблочко, мое зрелое
Посмотрите-ка на нас: что мы делаем?
Как напьемся, то мы пляшем с гиком, топотом;
Дома дети и жена сидят голодом

Это не могло не беспокоить женщин, традиционно выполнявших роль хранительниц домашнего очага.

Пулькин М.В.
vmp@sampo.ru

На старте эмансипации: происхождение женских поведенческих стереотипов в XIX – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии)

Статус женщин в значительной мере определялся сословной принадлежностью отца, а после замужества – общественным положением мужа. Попытки самостоятельно добиваться социальной реализации чаще всего представлялись невозможными. Права женщин ограничивались законом и существующими традициями, которые действовали значительно более эффективно, охватывая большее количество сфер жизни,

чем законодательство, не позволяя женщинам занимать сколько-нибудь значимые обще-ственные позиции. Важно попытаться оценить события с позиций современников: субъективное ощущение приниженности, подавленности у женщин XVIII – XIX в. не возникало. Это расценивалось как обычное, освященное веками положение дел, и представить себе иную ситуацию для них, в отличие от наших современниц, не представлялось возможным. Такие воззрения сами по себе служили механизмом подавления инициативы и социального творчества женщин: ведь какой-либо иной порядок, кроме существующего, просто не был известен.

В конце XIX в. ситуация начала меняться. Образование стало наиболее важной сферой, в которой женская инициатива могла проявиться в полной мере, навсегда меняя устоявшийся традиционный уклад жизни. Более того, школьное образование коренным образом модифицировало традиционную схему взаимоотношений полов. Во-первых, в школе девочки впервые конкурировали с мальчиками, причем исход конкуренции определялся интеллектом, а не был заранее предписан традиционным деревенским обиходом. Во-вторых, школьная жизнь протекала под контролем женщин-учительниц, считаться с которыми были обязаны все учащиеся. Для мальчиков подчинение женскому руководству и контролю стало фактором, неизбежно влияющим на мировоззрение и заметным образом трансформирующим традиционные гендерные роли. Наконец, педагогический коллектив, в значительной мере состоящий из женщин, формировал иные нормы поведения, отличающиеся от существующих в окрестных деревнях, а входящие в его состав представительницы слабого пола впол-не свободно могли преступать устоявшиеся обычаи. Все это создавало возможность существования альтернативных гендерных норм поведения, которые возникали на глазах у подрастающего поколения.

Особенности интервьюирования чувашских женщин в сельской местности в современных условиях

В ходе изучения календарных праздников и обрядов в сельских поселениях среди чувашей ценным источником являются материалы бесед с информаторами. Основными методами в ходе полевой работы являются наблюдение и нестандартизированные интервью. Опрашиваются женщины в возрасте от 65 лет чувашской национальности, проживающие в сельской местности. Установление контакта с информантом идет приблизительно в первые десять минут, в начале разговора чувствуется некая скованность, стеснительность, недоумение, недоверие. Группа женщин охотнее отвечает на вопросы, чем одна опрашиваемая, идет своеобразное соревнование в лучшем знании календарных обрядов. В ходе общения выделяется лидер, который напоминает другим о каких-либо случаях в ходе проведения обряда и даже уточняет сама некоторые сюжеты. В группе, как правило, представлены женщины из разных чувашских селений, прибывшие в основном после замужества. Такое обстоятельство дает нам прекрасный сравнительный материал проведения того или иного календарного обряда. Любопытные факты встречаются среди чувашских поселений, граничащих с татарскими, либо мордовскими поселениями.

Запись интервью производится на диктофон и частично на видеокамеру, что вызывает первоначально страх женщины о том, не попадут ли ее сведения на страницы газет, журналов, на телевидение и т.д. Не все информантки желают фотографироваться, комментируя это тем, что у них нет зубов, на них не та одежда. Календарные праздники и обряды невозможно представить без песен, кричалок и т.п. При просьбе спеть песню информантки не сразу соглашаются, мотивируя тем, что не помнят слов, голос уже хриплый. Как только обратишься к лидеру группы за помощью, как тут же, за короткое время женщины переодеваются в национальные одежды. Те, кто

помоложе, помогают нарядиться более пожилым. Вскоре группа начинает вспоминать песни и сопровождать их разными рассказами и случаями из своей жизни. Однако чувашская женщина сильно занята хозяйством и при продолжительном интервьюировании она начинает напоминать, что много ею рассказано, спето, и ее ждут дела по дому. Чувашская женщина является хранителем и продолжателем традиционных праздников и тяжело переживает утрату прекрасных традиций, которые вызывали массу положительных эмоций.

Старченко Г.И.
starchenko@bsu.edu.ru

**Женщина-крестьянка в опекунских мероприятиях
сельских обществ конца XIX – начала XX в. (по
материалам фондов Государственного архива
Белгородской области)**

Пласт первичных материалов, отложившихся в местных архивах, в особенности книги приговоров сельских обществ и опекунские дела в фондах волостных правлений, открывают *перспективы исследования сложной и по-своему рациональной системы опекунских функций крестьянского «мира»*. Комплекс архивных дел Государственного архива Белгородской области, отложившихся за период с середины 90 гг. XIX в. до 1917 г., позволяет определить *роль женщины-опекуна как более возрастающую* (примерно с 1904–1905 гг.) в практике закрепления сельскими сходами с целью обеспечения прав и гарантий опекаемых недееспособных и нетрудо-способных сирот, престарелых и др.

Женщина-опекунша во внутрисемейных рамках попечительства не только обеспечивала нормальные условия существования опекаемым, но, будучи активной участницей семейной организации труда, продолжала вести хозяйство после потери кормильца, вместе с детьми зарабатывала деньги, нанимаясь поденщицей на плантации сахарной свеклы и картофеля в имения юга Курской губернии. Ярко выражено

стремление женщины – главы крестьянского хозяйства – сохранить, при-умножить движимое и недвижимое имущество и средства на приданое дочерям.

Опекунской функцией женщины до вступления взрослого сына во владение крестьянским двором–домохозяйством являлось исправное исполнение податных (налоговых) обязательств. Регулярность и частота фамильных записей женщин в раскладочных приговорах сельских сходов позволяют исследователю выявить спорадический или регулярный характер участия женщин-опекунов – «индикаторов» активности и пассивности в реализации финансово-податной функции сословно-корпоративной крестьянской организации.

Секция 4.
Предотвращение насилия и торговли людьми

Бабич И.Л.
irina@babich1.net

**Женщина на Кавказе и доступ к правосудию на Кавказе
(история и современность)**

На Кавказе исторически сложилась плюралистическая правовая система, основанная на обычном праве (адате), шариате и государственном (российско-имперском праве), которая существовала до 1920-х годов, когда была установлена советская власть и советское право, и все остальные правовые системы признаны нелегальными.

Превалирование на Кавказе обычного права позволяло женщине сохранять относительную свободу в обществе, однако она не имела возможности отстаивать свои права. Доступ женщины ко всем правовым системам был ограничен в связи с особенностями ее положения в обществе, опирающемся на кавказские (национальные) и исламские традиции, распространявшиеся на Кавказе из Османской империи и Ирана в течение X–XIX в., и все же на имеющемся материале возможно рассмотрение следующих вопросов: *Женщина и истец. Женщина и ответчик. Женщина и свидетельские показания. Основные виды причинения кавказской женщине ущерба. Женщина и возмездие за ущерб. Женщина и возмещение ущерба.*

Препятствия использования женщинами права на Кавказе до 1920-х годов: 1) отсутствие равенства прав и обязанностей перед общинной властью и судом в адатном праве, 2) зависимое положение женщины в обществе и семье, 3) влияние исламских ограничений участия женщины в общественной жизни, 4) адатное понимание преступления по отношению к женщине как причинение ущерба коллективу, которому принадлежит потерпевшая. Такими коллективами могли быть: родственные объединения – семья близких родственников, клан, а также территориальные объединения – община, союз общин. Понятие

коллективного правосознания. Введение российского суда на Кавказе в XIX в.: Горский словесный суд (женщина получила право самостоятельно обращаться в российский суд).

Бойченко Л.Д.
larakira@onego.ru

**Становление международного права по вопросам
предупреждения торговли людьми (к 100-летию Первого
Всероссийского съезда
по борьбе с торговлей женщинами, Петербург, 1910 г.)**

Началом становления международного права по вопросам предупреждения торговли людьми, на наш взгляд, можно считать конец XIX века, когда борьба с торговлей женщинами и детьми для занятия проституцией началась в форме двусторонних соглашений (например, между Германией и Нидерландами в 1889 г., между Германией и Австрией в 1890 г.). Затем она стала предметом обсуждения на международном Конгрессе в Лондоне (1899 г.), на конференции в Париже (1902 г.) и привела к заключению международных конвенций о пресечении торговли женщинами и детьми (1910, 1921 и 1933 гг.).

Несмотря на данные меры, торговля людьми стала глобальной проблемой, затрагивающей почти все государства мира, и рассматривается современным международным правом как трансграничное преступление. Готовясь в 2010 г. отметить 100-летие Первого Всероссийского съезда по борьбе с торговлей женщинами, который прошел в Санкт-Петербурге в 1910 г. благодаря поддержке женской общественности, мы вновь думаем о правах женщин и женской солидарности, и нам чрезвычайно важно, чтобы «равные права и возможности мужчин и женщин», объявленные в нашей стране де-юре, исполнялись бы и де-факто.

Гафизова Н.Б.
gafizovanb@mail.ru

Борьба с проституцией и торгом женщинами в конце XIX – начале XX века: опыт взаимодействия женского движения и структур власти

Проституция и международный трафик являлись серьезными социальными проблемами европейского и российского общества конца XIX – начала XX века. Под влиянием деятельности международного женского движения и прежде всего Международной аболиционистской лиги правительствами крупнейших европейских государств были предприняты меры законодательного и административного характера по противодействию международной системе трафика.

Российское женское движение осуществляло активную деятельность в области профилактики проституции и борьбы с торгом женщинами. Российское общество защиты женщин (РОЗЖ), учрежденное в 1899 году как часть Международного конгресса по борьбе с торгом белыми рабынями, в своей социальной деятельности использовало самые разнообразные формы и методы работы. Среди них: участие в разработке законодательных актов, в том числе принятии адекватных мер уголовного преследования за трафик и вовлечение в проституцию; просветительская деятельность; социальная защита жертв трафика; противодействие системе регламентации; научное изучение проблемы.

Ерохина Л.Д.
logos31@rambler.ru

Торговля женщинами: что изменилось в деятельности НПО и правоохранительных институтов

Анализ деятельности гражданских и правовых институтов в противодействии торговле женщинами в условиях применения статей УК РФ заставляет обобщить итоги и результаты работы указанных институтов, их возможности в настоящее время, формы их взаимодействия с общественными организациями, в

том числе НПО. Вместе с тем необходимо освещение новых подходов к изучению данного явления со стороны представителей науки, осваивающих исследовательское поле не только в качестве юристов и правозащитников, но и социологов, философов и иных профессионалов.

Кулажникова С.С.

О перспективах противодействия торговле людьми в современной России

Масштабы торговли людьми в самой России и из России приняли такой размах, что представители силовых структур вынуждены признавать не только факт существования этого явления, но и наличие организованной преступности, связанной с ним.

Эффективность борьбы с торговлей женщинами в любой ее форме может быть достигнута только тогда, когда к этой борьбе присоединится все гражданское общество. Чувство неудовлетворенности работой правоохранительных органов и го-сударственных структур привело к созданию добровольных организаций, стремящихся использовать доступные им методы и формы для противодействия торговле людьми. Хотя позиция государственных структур в вопросах борьбы с торговлей людьми в последнее время стала заметно активизироваться, основой объединения социальных сил в этой борьбе на национальном уровне все же остаются общественные (неправительственные) организации (НПО) при поддержке международного со-общества. Эти организации защищают права и интересы граждан и имеют большое значение для развития гражданского общества. В некоторых случаях неправительственные организации играют даже основную роль в предупреждении торговли людьми. Они всегда более остро, чем представители государственных структур, воспринимают необходимость соблюдения прав человека, быстрее реагируют на нарушение этих прав. Неправительственные организации

остро реагируют также на серьезные социальные вопросы, часто остающиеся за пределами внимания государственных институтов власти. К таким проблемам относится торговля людьми вообще и женщинами как ее основной и более распространенной формы, в частности. В современных международных документах по проблемам противодействия торговле людьми именно неправительственные организации находятся в центре внимания как защищающие права человека, предоставляющие социальную и психологическую помощь. Они также вынуждают государственные органы принимать решения и законы и разрабатывать механизмы предупреждения случаев девиантного поведения, которые встречаются в аномичном обществе.

Меньшикова Е.Н.
menshikova@bsu.edu.ru

Преступность в женской среде купеческого сословия Центрального Черноземья в 60 – 90-х годах XIX века

Преступность как сторона существования членов той или иной социальной группы, выражающаяся в совершении более или менее серьезных правонарушений или поступков, противоречащих нормам общепринятой морали, является индикатором социального «здоровья» всего общества. А также во многом отражением трансформаций социальной психологии, вызванных радикальными изменениями в политической, социальной и культурной сферах. Такого рода изменения, охватившие всю жизнедеятельность общества, происходили в Российской империи и в эпоху Великих реформ и контрреформ 60–90-х годов XIX столетия. В этой связи последовательные шаги в направлении исследования влияния пореформенной действительности на социальный облик наиболее пассионарной части российского общества – купечества – представляются чрезвычайно важными.

На протяжении пореформенного периода купечеством Воронежской губернии в целом совершалось меньшее количество правонарушений, чем представителями купеческого

сословия Курской губернии. В купеческой среде исследуемых губерний Центрального Черноземья в 60 – 90-е годы XIX века подавляющее большинство преступных деяний совершалось мужчинами. Показатели (как абсолютные, так и относительные) совершённых женщинами-купчихами преступлений выглядели невысокими на фоне общей картины криминальной обстановки. В среднем, от 4 до 12% преступлений от общего числа купеческих нарушений законности совершались представительницами торгового сословия. Важно отметить, что, в отличие от общей региональной тенденции сокращения купеческой преступности к концу XIX века, уровень женской купеческой преступности, напротив, повышался, начиная с 80-х годов XIX века.

Относительно невысокий уровень женской преступности, наблюдавшийся в исследуемом регионе в пореформенный период, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, тем, что в силу аграрной по преимуществу региональной экономики купечество Курской и Воронежской губерний в 60–90-х годах XIX века являлось социокультурной общностью, отличавшейся особой патриархальной ментальностью, основанной на традициях сильной общинной связи, строгого социального контроля. Давно замечено, что в таких общностях традиционно наблюдается низкий уровень девиантного поведения. Второй фактор связан с объективными эволюционными процессами, происходившими в пореформенное время, а именно со структурными изменениями купеческого сословия: снижением доли менее состоятельных купцов и, наоборот, ростом первогильдейского купечества. Заметное общественное положение, занимаемое крупным купечеством, препятствовало совершению им противоправных поступков.

Структура женской купеческой преступности на протяжении пореформенного времени не оставалась статичной. В течение исследуемого периода она динамично менялась от преобладания преступлений, посягавших на чужую собственность, до правонарушений, затрагивавших честь и достоинство человека, а также поступков, направленных против порядка управления и неповиновение различным властным постановлениям.

Муравьева М. Г.
mmuravyeva@gmail.com

Супружеское насилие в России XVIII века

Россия считается страной с высоким уровнем насилия, присущим ее традиционной культуре. Супружеское и домашнее насилие часто рассматривается традиционными историками и этнографами как неизбежная часть развития народной культуры и высокого уровня насилия и агрессии. Использование силы также признавалось оправданным и учением православной церкви, по которому муж имел право «дисциплинировать» жену в случае ее неповиновения его власти. Тем не менее, большое количество судебных дел и исков о разводе на основании побоев мужа свидетельствует о том, что супружеское насилие не считалось нормой, а сами женщины прибегали к помощи властей в безысходных ситуациях.

XVIII в. стал достаточно важным этапом в формировании государственной системы помощи пострадавшим от насилия женщинам. В эту систему входило как принимаемое законодательство, так и система учреждений, куда могла быть помещена женщина в случае угрозы ее жизни. Включение понятия «напрасных побоев» в официальное брачное законодательство как повод к разводу и признание смерти женщины в результате избиения особо опасным преступлением (статья 164 Военного артикула) превратило сам акт супружеского насилия в акт, угрожающий общественной безопасности, то есть в преступление, преследуемое государством. Обращение же знатных женщин, подвергшихся супружескому насилию, в монастыри за защитой открыло позже и другим пострадавшим дорогу в данные учреждения, где они могли оставаться на время разбирательства по их делу.

Тем не менее, несмотря на вышеприведенные меры, брачно-семейное законодательство оставалось в ведении русской православной церкви, и решения принимались на основании правил «св.апостол» и «св.отец», что означало, что женщине

необходимо было доказать «напрасность» побоев, то есть доказать, что муж бьет ее «безвинно», что часто не удавалось, так как показаниям мужа доверяли больше, нежели показаниям жены, и иск о разводе на данном основании не удовлетворяли, приказывая жить вместе, однако взяв с мужа подписку о «добром житии» с женой. Во второй половине XVIII века все же появляется законодательно оформленная система раздельного проживания для супругов, чье житие рассматривалось как «несогласное». Однако в данном случае женщина страдала материально, так как муж обязывался содержать такую жену и детей, если их оставляли с матерью, но женщина должна была покинуть дом мужа и найти свое собственное жилище (или вернуться к родителям).

Супружеское насилие являлось достоянием всех социальных слоев и всех возрастных групп, как показывает наша база данных по делам о супружеском насилии. Оно могло проявляться в следующих формах: 1) побои («бьет и мучает» или «бьет и увечит»); 2) ограничение свободы и запрещение общения с родственниками; 3) отказ в пропитании и содержании; 4) изгнание из дома («с дому согнал с детишками»); 5) принуждение к разводу, включавшее наговор жены на себя (признание, например, в ложном прелюбодеянии), а также насильное пострижение в монахини; б) сексуальное насилие, заключавшееся в «противуестественном блуде», т.е. принуждению к анальному или оральному сексу; 7) убийство жены, преднамеренное или непреднамеренное, заключавшееся в смерти жены в результате побоев.

Поскольку все вышеприведенные формы были достаточно видимыми, благодаря обращению женщин в суд (не только в суды духовных правлений, но и в светские суды, например, в кригсрехты), это часто давало повод иностранным наблюдателям и затем последующему поколению специалистов утверждать, что Россия отличалась особенно высоким уровнем насилия по причине соответствующей «варварской» культуры. Так, английский путешественник Джон Перри утверждал: «В России мужья бьют жен своих самым варварским образом, и иногда столь бесчеловечно, что те умирают от ударов, но, не смотря на

это, мужья не подвергаются наказанию за убийство, так как закон перетолковывает это в смысле исправления, и потому не делает их ответственными. С другой стороны, жены, нередко доведенные до отчаяния, убивали мужей своих, чтобы отомстить им за дурное обращение...»² Данная цитата вполне подходит и к сегодняшнему дню.

Нижник Н.С.
n.nishnik@bk.ru

Социальный контроль и женское девиантное поведение: проблемы коэволюции форм в Российской империи

Отношение государства к проблеме сексуальной коммерции, проститутке и необходимости регламентации ее профессиональной деятельности в Российской империи никогда не было однозначным. Амбивалентность отношения к жрицам любви, оказывавшим сексуальные услуги за вознаграждение, во многом определялась пониманием значимости их влияния на здоровье не только отдельных подданных российского государства, но нации в целом. Ретроспективный анализ российской истории свидетельствует о коэволюции – диалектической взаимосвязи и взаимозависимости в процессе становления и развития – сексуальной коммерции, с одной стороны, медицины и здравоохранения – с другой, социального контроля за девиантным поведением – с третьей.

Универсального понимания феномена проституции в науке не существует. На макросоциальном уровне она выступает в качестве системы общественных отношений, посредством которых реализуются внебрачно-коммерческие формы сексуального поведения, и которая социально конструируется, организуется и контролируется с помощью соответствующих институтов и нормативных комплексов. На социальном уровне

² Перри Дж. Другое и более подробное повествование о России // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1871. № 2. С. 129.

проституция рассматривается в качестве общественной проблемы в различных аспектах, в том числе как проблемы общественного здоровья и девиантного поведения. Социальные характеристики проституции анализируются на уровне участников процесса сексуальной коммерции – проститутки, медиков, клиентов, держателей публичных домов, сутенеров, сводников, полицейских. Попытки установления социального контроля за проституцией и осуществления ее нормативной регламентации в дискурсе истории Российской империи свидетельствуют о формировании специфических моделей социального отношения к сексуальной коммерции:

1) прогибиционизма – модели, основанной на запрете (prohibition) проституции и юридическом (уголовном или административном) преследовании лиц, занимающихся проституцией;

2) регламентации – модели, включающей правовое регулирование (regulation) проституционной деятельности, которое в Российской империи нашло свое отражение в организации полицейско-медицинского надзора;

3) аболиционизма – модели содержащей отрицание, отмену (abolition) правового регулирования сексуальной коммерции как в форме запрета, так и в форме регламентации.

Решить все острые вопросы в сфере отношения государства к проблеме сексуальной коммерции и необходимости регламентации профессиональной деятельности проститутки в Российской империи не удалось. В 1917 г. Россия «встала на путь» превращения в государство, где «нет» ни секса, ни проституции. Однако опыт, накопленный в Российской империи, получивший неоднозначную оценку современников, в XXI в. требует нового осмысления.

Пушкарева Н.Л.
pushkarev@mail.ru

«Стыд и позор» (к истории позорящих наказаний для женщин в России от древности до современности)

Как явление традиционной культуры (русской в том числе)

позорящие наказания предполагали потерю доброго имени, самоуважения и уважения других. Возникнув в эпоху позднего Средневековья, они просуществовали в большинстве европейских стран около трех веков (XVI – XVIII): по мере упадка феодализма стыд обретал все большую важность в структуре человеческих аффектов (Н. Элиас), и Власть пользовалась этим. В России применением позорящих наказаний отмечена сельская повседневность не только XIX, но и (в трансформированных формах) всего XX в.

Особое место в структуре этих наказаний занимают те, что распространялись на область сексуальной морали: наказания за нецеломудрие и прелюбодеяние. Как в большинстве культур патриархального типа, наказания за нецеломудренность и адюльтер применялись в России только и исключительно к женщинам. *Неверность*, как и *честь* – понятия не гендерно-нейтральные; они обрели гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии (то есть с началом социального неравенства, т.к. гендерное неравенство – это исторически первая форма социальной депривации).

Состоявшие в исполнении над виновницей разных обрядов, долженствующих сделать ее посмешищем в глазах толпы, в России позорящие женщин наказания были направлены на подавление самостоятельности и подтверждение несамостоятельности женской личности. Они сопровождались не только желанием причинить *ей* нравственное страдание сознанием позора, но и утратить *других* (особенно в случае адюльтера). Средневековые законодательства были во всех странах богаты этими символическими наказаниями, но в России XIX – начала XX в. децимации обрели характер зверств и расправ и употреблялись не столько самостоятельно, сколько как придаток к физическому воздействию.

При каких обстоятельствах и как применялись к женщинам устыдительные наказания в XIX–XX в.? Почему в России и Европе были регионы, в которых они не только не были распространены, но вообще не бытовали? Каковы истоки и пределы жестокости норм обычного и писаного русского права по отношению к женщинам? Как и когда возникло стремление

применять позорящие наказания для женщин, под влиянием каких правовых источников? Какие цели могло преследовать подобное наказание и какие иметь последствия для униженной позором женщины? Как долго существовало? В чем своеобразие русской риторики позорящего, гендерно-окрашенного насилия в отношении проступков, связанных с женским телом? Какие цели преследовали наказующие? Как трансформировались традиции «вывода» (расправы с неверной женой) в советское время, став после 1936 г. коллективными «разборами поведения» на партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях, и какие последствия имело для современного понимания пределов «пространства частного», в которое не имеет права вмешиваться «общественное», коллектив?

Ответы на эти вопросы будут даны на основе архивных материалов и прессы, современной анализируемым событиям.

Сазонова Л.А.

lyudmila.sazonova@rambler.ru

Проблема женского нонконформизма в русской культуре

Культурные российские традиции, оценки и восприятия феминного и маскулинного в значительной степени схожи с западными. Для западной философии и культуры в целом женственное/феминное символически ассоциировалось с тем, что противоположно разуму – с темными силами богинь земли. Способность женщины дарить жизнь человечеству и сходство ее функций с функциями природы вызывали мистический ужас. Женщина воспринималась как «Инаковость», как самостоятельная, противостоящая мужскому доминированию сила. Поэтому девичьи праздники, женские обряды были суверенной областью обыденной жизни. Мужчины испытывали страх перед неведомой частью женского бытия. А непонятная и вызывающая страх женская сила очень часто вызывала маниакальную неприязнь. В древнерусской славянской мифологии присутствует языческая вера в женскую тайную

губительную силу. Вообще она – олицетворение природы и поэтому легко слышит и понимает голоса ветра, деревьев, трав; участница всяческих тайных магических ритуалов, она похищает росу, варит снадобья, готова убивать родных и близких.

Страх перед женской природой, ощущение причастности женщины к появлению жизни – все это рождало желание управлять ею и подавлять. Поэтому культ женщины всегда сопровождался и дополнялся репрессивной политикой. Любые проявления иного, чем предписанного женщине патриархальной культурой поведения, трактуются в практике, мифологии и литературе как девиация, нарушение нормы, трансгрессия. Пришедшее на смену язычеству христианство стерло в общественной памяти образ женщины-богатырши, переориентировав общественное сознание на иные патриархатные образцы – женскую покорность, домовитость, многодетность и другие. Поэтому женщине совершенно определено отводится роль домохранительницы, воспитательницы, врачевательницы, помощницы мужчины. Все иные роли осуждаются как не соответствующие норме. Отклонение от нее принимается в исключительных обстоятельствах и оценивается по мужским нормам. Повседневный быт, требовавший от русских женщин невероятного напряжения душевных и физических сил, оставался за пределами исторического действия. В языческой культуре, ориентированной на патриархатные образцы, героизм допустим для мужчин, а не для женщин.

Щербинин П.П.
p_shcherbinin@mail.ru

Девочки-проститутки в начале XX в.

В начале XX в. в России стала бурно развиваться детская проституция. Данное явление встревожило лишь часть русского общества, но в целом власти и население достаточно равнодушно взирали на проявления педофилии и вовлечение девочек в сексуальную эксплуатацию. Спрос диктовал

предложение, и ежегодно многие тысячи девочек-подростков становились «жрицами любви». Проституирование девочек объяснялось сиротством и неблагополучием в семье. Часто путь на панель начинался с насилия, которому девочка подвергалась со стороны отчима или других родственников. Первая мировая война выявила значительный резерв малолетней проституции. В скверах и садах, в уличной толпе были заметны девочки-подростки, предлагавшие свое тело первому встречному. Малолетних проституток охотно предлагали сутенеры, а нередко и администрации заведений. Как правило, девочка-прислуга должна была быть в то же время и проституткой. Криминалитет также использовал возможность «продажи» детского тела. Примечательно, что прибыльность сексуальной эксплуатации девочек породила и особый вид фальсификации – «подделку» совершеннолетних проституток под малолетних.

Конечно, рост детской проституции был не только российским явлением, а носил общеевропейский характер. Но, если на Западе была отлажена система помощи бездомным детям, занимавшимся торговлей своим телом, существовали приюты и колонии для малолетних преступников, была развита общественная помощь и благотворительность, то в России реабилитация детей-проституток фактически отсутствовала. Если полиция и задерживала девочку-проститутку, то после допроса ее часто возвращали под надзор родителей, которые нередко и провоцировали детей на занятие проституцией.

Данные процессы отражали черты развития российского государства и общества, слабость социальной защиты малообеспеченных слоев населения, разрыв традиционных семейных, профессиональных, социокультурных связей, маргинализацию населения Российской империи начала XX в.

Секция 5.
О ней так много говорят: образы женщин в русской философии, литературе, мемуаристике, искусстве и их реальные носительницы

Канныкин С.В.
stvk2007@yandex.ru

В.В. Розанов и Н.А. Бердяев: пол рождающий и пол творящий

В.В. Розанов определяет экзистенциальные доминанты в понятиях «пол», «страсть», «рождение», «кровь», «семя», соединяя их с ветхозаветными теургическими мотивами: пол священен, поскольку родотворящ. Оппонентом (но вместе с тем и продолжателем сюжетных линий метафизики пола) В.В. Розанова стал Н.А. Бердяев, который определяет экзистенциальные доминанты в понятиях «свобода», «духовная любовь», «творчество», соединяя их с новозаветными, преобразующими «старый», родовой мир, мотивами: пол ущербен, поскольку родотворящ; он должен быть преодолен в этом своем качестве и стать духотворящим.

Митина Н.Г.
nataliamitina@rambler.ru

Утопия женского равноправия в практике российских христианских общин (на примере Христианского Братства Н.Н. Неплюева)

Проблему равенства полов в социальной истории можно рассматривать на примере социальных утопий, где ей уделено значительное внимание в проектах создания будущего общества равенства и справедливости. На протяжении Нового времени были предприняты попытки практического воплощения в жизнь некоторых идей. В России одна из первых попыток реализации утопических идеалов гендерного равенства была предпринята в

XIX в. Основное отличие российской практики воплощения утопии – создание социально-справедливого общества на основе христианской православной религии. Ее реализация стала возможна благодаря особенностям общественного сознания народов России – общинности. Форма организации Братства была взята Неплюевым, по его словам, у основоположников христианства. Главной задачей Братства, по замыслу Неплюева, должно было стать духовное, нравственное совершенство его членов как христианской общины. Практика воплощения социальной утопического проекта подкреплялась религиозно-нравственным учением Н.Н. Неплюева, представляющем в сущности философскую концепцию социально-справедливого общества. Неплюева можно отнести к сторонникам традиционной концепции гендерных отношений. Западная философия этого периода, рассматривающая вопросы равенства полов, была для него неприемлема, специально надумана, как он считал, и занесена в Россию чуждым Западом. Он защищал патриархатные традиции и придерживался биодетерминистских позиций. Здесь не могло быть и речи о равенстве полов, что подтверждают и правила взаимоотношений между членами Трудового Братства. Православное Крестовоздвиженское Трудовое Братство, созданное Н.Н. Неплюевым, страдало теми же просчетами в реализации проблемы равенства полов, что и теоретические утопические построения.

Нальчикова Е.А.
dzagow@mail.ru

Публичное обнажение в адыгском обществе

Традиционное адыгское общество контролировало сексуальное поведение своих членов (особенно женщин) с помощью богатого набора инструментов: от народных обрядов, карающих нарушителей моральных норм публичным унижением, до уродования или физического уничтожения. При этом в ментальном восприятии эти крайности практически равнозначны, ибо позор, которому подвергалась виновная,

практически приравнивался к ее смерти в социуме.

Выяснить отношение к обнаженному телу в традиционной культуре достаточно сложно. Некоторую ясность в вопрос поможет внести исследование практиковавшихся у адыгских субэтнотетосов способов наказания за нарушение норм морали. В фольклорной истории о наезднике Жаниболате описан один из них (по-видимому, редкий): после покушения на него сводных братьев герой, в наказание за фамильное предательство, *раздел их донага и заставил выйти в таком виде на улицу*, т.е., не в силах преступить родственные узы, Жаниболат подверг братьев гражданской, а не физической смерти.

Отношение к женской наготe демонстрирует один из шапсугских рассказов-хабаров о красавице Гуашегаг, муж которой, будучи не в силах расстаться на время с молодой женой, решил вызвать в себе отвращение к ней, для чего потребовал *пройтись при свете дня голой* по комнате.

Очевидно, нагота тела (как мужского, так и женского) при дневном свете воспринималось в традиционном сознании как публичное обнажение, ассоциируемое с позором. Нельзя не вспомнить, что и в средневековой европейской традиции восприятие обнаженного тела тоже было двойственным, оно манило и отвращало одновременно.

Реброва И.В.
karavan5@mail.ru

Объективация субъекта: воспоминания женщин о своем участии в Великой Отечественной войне

Участию женщин в Великой Отечественной войне посвящено немало обобщающих и специальных исследований, в большинстве из которых прославлялся патриотизм советских женщин в военное время, доказывалось, что они проявляли мужество, отвагу и героизм в борьбе с врагом наравне с мужчинами. Значительно меньше внимания уделялось особенностям женского восприятия событий военного времени, специфике положения и поведения женщины на войне. Анализ

его-документов существенно расширит сложившиеся представления об участии женщин на войне, их внутреннем мире, поставит новые исследовательские вопросы.

Война вела к далеко не безболезненной трансформации прежних гендерных представлений и норм поведения, а самим женщинам изменения в системе социальных статусов и ролей порой казались крушением самой жизни. В результате женские повествования о войне содержат рассказы о фронтовых друзьях-мужчинах, их ратных подвигах, которым уделяется порой значительно больше внимания, чем описанию своей роли в борьбе с врагом. Это они завоевывали Победу, их дела и поступки требовалось сохранить в общественной памяти. Себе же женщины порой отводят второстепенные позиции в рассказе о военных событиях. Происходит своего рода субъектно-объектное замещение, когда говорящий субъект-женщина играет роль пассивного объекта в повествовании.

Для женских воспоминаний также характерно смещение акцентов с личного восприятия в публичную сферу. Они показывают механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях – переключение внимания на, казалось бы, неважные детали (вокруг гибнут люди, свистят пули, падают бомбы, а женщина переживает, что у нее форма не того размера), слезы, которые помогают вынести переживания наружу и купировать их, забота о других. Воспоминания женщин более эмоциональны и менее событийны по сравнению с мужскими: в них в изобилии присутствуют эпитеты, сравнения, лирические отступления, метафоры. В результате женские воспоминания представляют собой более аутентичный, хотя и менее фактографичный источник, чем мужские, неоднократно подвергавшиеся редактированию, хотя и в тех, и в других прослеживается влияние социального заказа на героизацию прошлого. Подчеркнутая эмоциональность женщин выделяется не только исследователями, но и самими авторами мемуаров, потому что это соответствует наиболее распространенным о ней представлениям.

**«Меня вы назвали поэтом...»: женщина-поэт в
литературной обстановке середины XIX века (на примере
творчества К.К. Павловой)**

В докладе освещаются следующие проблемы: отношение общественности к женскому поэтическому творчеству (обвинение в незрелости, подражательности, несерьезности); характер творчества поэтесс XIX века («салонный» и светский); круг литературного общения поэтесс (на примере творчества К.К. Павловой); значение творчества поэтесс XIX века для последующих поколений писательниц и для русской поэзии в целом.

Женское поэтическое творчество до сих пор не до конца исследовано, особенно творчество поэтесс XIX в. Поэзия одной из них, Каролины Павловой, представляет собой заметное явление в истории русской литературы. Она пропустила мимо себя несколько авторских поколений, но сама оставалась в тени, хотя ее талант давал ей право на видное место в русской словесности. Она была не только признанным поэтом, ярко выделяющимся своим оригинальным творчеством, но и переводчиком, общественным деятелем.

В докладе мы хотим на примере ее поэтической переписки с видными писателями и деятелями (Н.М. Языковым, Е.А. Боратынским, И.С. Аксаковым и др.) показать, какое место в литературе того времени занимали женщины-писательницы, особенно столь талантливые, как К.К. Павлова. Она была вовлечена в дискуссии о поэзии, о назначении искусства, о современной молодежи и в полемику между западниками и славянофилами. Оригинальность ее воззрений дала ей право наряду с мужчинами участвовать в спорах. Ее творчество было признано современниками, сопровождалось далеко не условными хвальбами и часто ставилось в пример другим поэтессам.

Также затрагивается тема своеобразия женской лирики, ее

непонимания и непризнанности; находятся истоки женской поэзии, определяются причины, почему имя столь яркой писательницы, как К.К.Павлова, было незаслуженно забыто.

Тихонова А.В.
ayatsyk@mail.ru

Гендерные репрезентации в телевизионном мейнстриме, или над чем смеется современная российская женщина: «Женская лига» на ТНТ

В докладе обсуждаются репрезентации гендерных отношений в пространстве популярной российской культуры. Исследовательское внимание фокусируется на репрезентациях мира «современной российской женщины» и тех ее образах, которые в постсоветской России утвердились как *common senses*, попав в русло культурного мейнстрима. В этом смысле транслирующийся на телеканале ТНТ российский скетчком «Женская лига» кажется здесь хорошей эмпирической базой. С одной стороны, он является ярким примером продукта современного российского культурного мейнстрима, поскольку имеет формат телевизионного скетчкома – т.е. культурного продукта, ориентированного на развлечение как можно более широкой аудитории (следовательно, на использование «всеми-разделяемых-смыслов»). С другой стороны, он позиционируется своими создателями как образец женской аутентичности – «женского юмора для женщин» – как бы очерчивая тем самым границы «видения», репрезентации и восприятия конструируемых в нем культурных значений, что является также проявлением определенной гендерной идеологии. Наконец, в-третьих, сам формат данного культурного продукта – как серии юмористических зарисовок – предполагает авторскую акцентуацию на каких-то определенных сторонах социальной реальности и саморефлексию, что в свою очередь может быть прочитано как проблематизирующий те или иные аспекты гендерных отношений/значений текст.

Таким образом, основным объектом исследования явились 34

серии данного скетчкома, которые анализировались сквозь призму подхода Р. Коннелла. Основной эмпирической единицей анализа являлись сюжет – сценка, в которых репрезентация гендерных отношений и место и роль женщины в них оценивались с точки зрения 4 структур: власти, разделения труда, катексиса и символических репрезентаций. Обращалось внимание также на то, в каких пространствах – публичном или приватном – действуют героини скетчкома.

В конце доклада приводится сравнение с репрезентациями современных российских гендерных отношений с позиции «маскулинного дискурса», выявленных в ходе анализа 32 серий скетчкома «Наша Russia» (ТНТ), и делается общий вывод о постсоветских тенденциях гендерных репрезентаций.

Трофимова Е.И.

eltrof@rol.ru

Парадигмы массового сознания в текстах Луизы Олкотт и Лидии Чарской

Обе писательницы, описывая женские судьбы, тем самым воздействовали на гендерные стереотипы в общественном сознании. Они обе имели необычайный писательский успех и огромную популярность: при жизни и у той, и у другой – немалые тиражи, огромный успех, известность, читательское признание, полное взаимопонимание между писательницами и читателями. Но если творчество Луизы Олкотт (повести «Маленькие женщины», «Хорошие жены») неизменно востребовано и популярно у каждого нового поколения американских детей, то творчество Лидии Чарской (многочисленные повести, рассказы: «На всю жизнь», «Цель достигнута», «Проданный талант», «Рассказы о женском сердце» и т.д.), нередко подвергавшееся резкой дореволюционной критике, было попросту уничтожено критикой советской.

Американская писательница Луиза Мэй Олкотт (1832–1888) и её русская коллега Лидия Чарская (1875–1937) имеют много общего. Это и принадлежность к одной исторической эпохе,

которая охватывала период от Великой Французской революции до Первой мировой войны. Это и определенное философское и стилистическое единство, сочетавшее позднеромантические традиции с позитивистскими идеями. Объединяет Олкотт и Чарскую и то, что можно условно назвать литературной пассионарностью. Вопреки патриархатному традиционализму, с подозрением относящемуся к женскому творчеству, они сумели не только преодолеть эти предубеждения социума, но и стать яркими представительницами национальных литератур. Всё это создавало некий общий фон, который влиял на трактовку событий и персонажей литературных текстов Чарской и Олкотт, делая при этом более очевидными разницу их гендерных предпочтений.

Они обе в своих произведениях ставят вопрос, который и сегодня является весьма актуальным в этой проблематике, а именно: как должна репрезентировать себя женщина в современном обществе, каким традициям надобно следовать, а какие – преодолевать, до каких границ распространяется женская свобода, и в чем она заключается. И, наконец, каково иерархическое соотношение мира мужчин и мира женщин. Конечно, и Олкотт и Чарская пытаются на это ответить не напрямую, а через сюжетный и образный строй произведений, показывают внутреннюю и внешнюю эволюцию своих героинь.

Писательницы обращаются практически к одной и той же фабуле - история взросления девушек, превращение их в молодых женщин. Тема для литературы весьма благодатная, поскольку это эмоционально насыщенный и биологически конфликтный возрастной промежуток – время, когда формируются характеры, утрачиваются детские иллюзии, приобретаются новые взгляды. Однако фабульная близость еще рельефнее выявляет национальные и культурные различия юных героинь.

Разнонаправленность поисков этических и поведенческих основ у «маленьких женщин» Олкотт и «институток» Чарской очевидна: хотя и те и другие исходят из христианского наследия, в качестве основания американки избирают десять заповедей Господних, то есть то, что призвано регулировать

активность человека в земном, дольном, мире. Для их русских сверстниц более важными представляются духовные аспекты их поступков, отражение пути человека в небесном, горнем, мире. Они как бы разделяют земную, вещную сторону бытия и ее воздействие на идеальную, духовную субстанцию каждого человека.

Героини Олкотт почти всегда рассматривают область художественного творчества как сферы обычного бизнеса, где цель оправдывает средства, что является логичным проявлением характерного американского прагматизма, отменявшего романтические традиции европейской эстетики, наделявшей искусство и художника особой автономией от реальной жизни. Кстати, Олкотт вкратце обосновывает и истоки такого эстетического прагматизма, которые она видит в бедности и нужде. Нарратор ещё готова признать, что цель творчества не нажива, а «плодотворная работа ума и рук», но все же утверждает, что «вдохновению, порожденному нуждой, мы обязаны половиной всего умного, красивого и полезного, что есть в этом мире». Логичным выводом представляется и мысль о рыночном характере художественного продукта, о необходимости для художника соответствовать диктату спроса. Героини же Чарской, стремящиеся к литературному творчеству, ставят своей задачей не простую передачу неких событий и ситуаций, а мечтают и дерзают через сюжет найти выражение некой более высокой и значимой истины, растворённой в потоке жизни.

Сопоставление смыслов, содержащихся в текстах Чарской и Олкотт, конечно, не преследует цели вынесения оценок по принципу «лучше-хуже». Раскрывая нравственные и психологические мотивации персонажей, мы обретаем возможность выявить некие глубинные культурные доминанты, которые определяют облик и направление в развитии тех или иных, в данном случае американских и русских, цивилизационных типов. И в этом смысле прагматические интенции, легшие в основу американской модели культуры, не менее плодотворны, чем идеалистическая парадигма, пронизавшая стилевые вариации литературы России XX века.

Уилсон Дж. (Принстон) (Wilson J., Princeton)
jlwtwo@princeton.edu

**К истории «прочтения» мужчинами женских образов
(Софья, маскулинизированная Мейерхольдом, и
гендерное беспокойство в его «Горе уму» – Meyerhold's
Masculinized Sofia: Gender Trouble in "Gore Umu")**

In the 1920s, Vsevolod Meyerhold staged many Modernist adaptations of the Russian classics, the most famous probably being his 1926 production of Gogol's Inspector General (Revizor). However, it was with «Gore Umu» (1928) that Meyerhold took the most artistic liberties; he made significant changes to Griboedov's original text including adding entirely new scenes and markedly altering the characterization of the plays protagonists, especially Sofia. Meyerhold's Sofia is decidedly masculine. She hangs out in bars and knows how to wield a rifle. All of her attempts to engage in typically feminine activities appear as absurd or grotesque. This paper examines the consequences that a masculine Sofia has on the play, especially the love plot, as a whole. What does it mean for Chatsky to be in love Meyerhold's Sofia, essentially a man in drag? How does it close off the possibility for a relationship between Sofia and Skalozub, and consequently open up other romantic possibilities for him, including a homoerotic relationship with Sofia's father Famusov? How does Meyerhold completely disrupt the plot, and perhaps even the social message of Griboedov's play by unsettling the gender identity of the lead female character?

Цалко Е.О., Рябова Т.Б.
vorontsova_kate@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

**Восприятие Родины: гендерный аспект (на материале
социологических исследований в городе Иваново)**

Идея о том, что Родина и Отечество есть оппозиция женского и мужского начал в национальной жизни, была актуализирована

в российской социальной мысли первой половины XX века И.А. Ильиным, Г.П. Федотовым.

Современные отечественные ученые уже показали значимость символа России–Матери для национального самосознания в разные периоды российской истории (О.В. Рябов).

Целью наших социологических исследований (Иваново 2006, 2008) было проверить на эмпирическом уровне, возможно ли говорить о гендерной составляющей в восприятии Родины.

Мы подтвердили, что, во-первых, понятия Родина и Отечество респондентами дифференцируются, во-вторых, эти понятия имеют гендерное измерение. Родина наделяется характеристиками, которые традиционно входят в стереотип женщины, Отечество – характеристиками, входящими в стереотип мужчины. С Родиной у респондентов ассоциируются такие качества, как природное (69%), духовное (52%), эмоциональное (47%), а с Отечеством – сила (54%), рациональность (38%), логика (31%), независимость (35%). Отечество соотносится скорее с политической и потому публичной составляющей (история, политическая сфера, идеология), Родина – с этнической и приватной (земля, природа).

Гендерная специфика восприятия Родины респондентами проявляется и в значимости для них материнской составляющей этого образа. Традиционно считается, что русские относятся к Родине как к Матери. Выбирая символ России из предложенного списка, 58% опрошенных отдали предпочтение образу матери. При этом исследование показало, что обращаясь к материнскому образу, респонденты использовали разные составляющие материнского стереотипа. Они полагали, что значение этого символа для российских этнических групп неодинаково. Большинство опрошенных считало, что одни народы относятся к России как к Родине-Матери, для других она является скорее Родиной-Мачехой. Среди первых чаще всего назывались русские и татары (соответственно, 95,5% и 61,3%), среди других – чеченцы (80,9%).

Цыбульникова А.А.
anastasia1708@rambler.ru

**Влияние работорговли на особенности канона женской
красоты у племен Северо-Западного Кавказа в XVIII–XIX
в.**

В XVIII–XIX вв. черкешенки считались одним из красивейших (и, соответственно, дорогих) товаров на невольничьих рынках Востока. Это породило многочисленные подмены их женщинами других горских народов (особенно грузинками) на турецких базарах. То, что представительниц различных народов Кавказа на невольничьих рынках старались выдать за черкешенок, объясняется стереотипным для того времени мнением о несравненной красоте последних. Насколько же реально были совершенны «девы гор», и как именно выглядел канон женской красоты у племен Северо-Западного Кавказа?

Многие российские и европейские авторы рассматриваемого периода посвящали хвалебные строки красоте черкешенских женщин, но в целом их можно свести к следующему. Юная черкешенка должна была иметь очень тонкий стан, прямую осанку и плоскую грудь, что зачастую формировалось искусственно посредством носимого с раннего детства корсета. При этом надо учесть, что пышные женственные формы для молоденькой девушки считались неприемлемыми, и поэтому она плюс ко всему держалась впроголодь. Кстати, именно этот фактор провоцировал в дальнейшем резкое ожирение юной девы, попадавшей в полную яств и неги жизнь богатого гарема.

Из-за корсетной перетяжки фигуры горянок часто формировались непропорционально тонкий стан и тяжелая полная часть ниже линии корсета. Такой силуэт был вполне во вкусе турок, но некоторым европейцам такая фигура казалась уродством. Для большего соответствия восточным канонам красоты горянки использовали косметику, а так же одежду турецкого покроя.

Таким образом, широко распространенное в XVIII–XIX вв. мнение о красоте черкешенок было во многом веянием моды,

пришедшим с Востока в Европу. Идеал красоты горянки достаточно полно соответствовал вкусу турецкой знати – потенциальным покупателям изящного живого товара, но во многом противоречил устоявшимся европейским канонам привлекательности.

Шендерюк М.Г.
m.shenderyuk@gmail.com

«Курсив мой»: что Нине Берберовой не простили современники

Большинство воспоминаний, посвященных русской эмиграции, представляет собой беллетризованные биографические очерки или собственно автобиографические повествования, и лишь немногие из них рисуют панораму политической и духовной жизни Русского зарубежья. К числу последних относятся мемуары Н. Берберовой «Курсив мой», публикация которых в 1969 году вызвала шквал негодования разъяренных современников. Чем объясняется негативное отношение к «Курсиву» не только самих первых эмигрантов, но и их потомков? Берберова нелестно отозвалась о своих братьях-литераторах или вовсе их проигнорировала; эмиграция не простила ей Ходасевича; «...она действительно много наврала о Бунине...» (З. Шаховская) и других мэтрах Русского литературного зарубежья. Так ли это? Ополчившихся на «Курсив» Р. Гуля и Г. Адамовича вполне можно понять. В «Биографическом справочнике», который Н. Берберова прилагает к своим воспоминаниям и который является самой субъективной, странной и противоречивой частью повествования, даны характеристики многих героев книги (хотя далеко не всех), вряд ли справедливые. Возмущение «незаслуженно обиженных» было столь велико, что начинаются обвинения Н. Берберовой в коллаборационизме. Однако никаких конкретных свидетельств сотрудничества Н. Берберовой с фашистами нет.

Определяющим фактором литературной биографии

Н. Берберовой в 1920 г. стало то, что появилась она в эмиграции как жена Владислава Ходасевича и сразу же окунулась в бурную литературную жизнь Русского Парижа, попав в круг творческой элиты зарубежья. Н. Берберова стала сотрудником одного из самых популярных эмигрантских изданий – «Последних новостей» П.Н. Милюкова. Однако писатели-мемуаристы (Дон-Аминадо, В. Яновский, Р. Гуль, И. Одоевцева, З. Шаховская) ее «не заметили». К концу 20-х годов имя Н. Берберовой приобрело в эмиграции широкую известность благодаря циклу иронических рассказов о жизни русских эмигрантов «Биянкурские праздники». Она хотела «расти, меняться, зреть, стареть», жизнь с Ходасевичем стала сильно тяготить ее.

Нина Николаевна ушла от Ходасевича в 1932 году. Однако их дружба и переписка продолжались до самой смерти Ходасевича в 1939 году, а с его вдовой, Ольгой Марголиной, отношения сохранялись вплоть до ее гибели в 1942 году. Страницы о Ходасевиче – лучшие в «Курсиве». Н. Берберова стала издательницей собраний его поэзии и прозы. Резкие высказывания Н. Берберовой в адрес Г. Адамовича и Г. Иванова отчасти объясняются извечным противостоянием поэта и критика Ходасевича двум Жоржам, «царствовавшим» на Монпарнасе.

В Париже Н. Берберова была близко знакома с И. Буниным. Она много пишет о нем, отдавая должное его таланту. В то же время образ писателя у Н. Берберовой чуть шаржированный, строки, посвященные ему, излишне откровенны и, вероятно, не вполне справедливы. И все же отношения Н. Берберовой с И. Буниным были вполне дружескими, о чем свидетельствуют дневниковые записи Г. Кузнецовой, пятнадцать лет прожившей вместе с Буниными на юге Франции, в Грассе. Не шокирует портрет Бунина, написанный Н. Берберовой, и М. Рощина, опубликовавшего в 2000 году книгу о писателе в серии «ЖЗЛ» и выступающего апологетом своего героя.

Обвинять автора воспоминаний в субъективности – значит не понимать законы мемуарного жанра. Свое право на субъективное отражение событий прошлого блестяще сформулировала и сама Н. Берберова: «...Я пишу сагу о своей

жизни, о себе самой, в которой я вольна делать, что хочу, открывать тайны и хранить их для себя, говорить о себе, говорить о других, не говорить ни о чем... Я беру на себя одну всю ответственность за шестьсот написанных страниц и за шестьсот ненаписанных, за все признания, за все умолчания. За речь и за паузы. Все, что здесь пишется, пишется по двум законам, которые я признала и которым следую: первый: раскрой себя до конца, и второй: утаи свою жизнь для себя одной. Автор первого закона – мой современник, автор второго – Эпикур».

Шинкаренко Е.А.
elenashinkarenko@mail.ru

Эксплуатация женской телесности в российской телевизионной рекламе

На современном этапе развития российской телевизионной рекламы достаточно сложно найти ролики, сухо презентующие товар. Большинство рекламных клипов представляют сюжет и героев. Нередко для привлечения внимания рекламисты используют привлекательность мужского и женского тела. При исследовании рекламных роликов методом контент-анализа нами были выделены несколько типов героев, активно демонстрирующие телесность. Этот тип обозначен как «Идеальные модели», принадлежность к этой группе предполагает богемность. При этом очевидно, что доступ в бонд закрыт для большинства женщин, недостижимость такой эффектности делает моделей притягательными. Второй тип образа красавицы мы назовем «Модель для активной демонстрации товара». Эта группа образов также предназначена для представления определенной линии товаров. Этот тип включает в себя два подтипа, которые различаются главным образом по степени одетости и интерьеру.

Первый подтип используется для демонстрации нижнего белья и других женских товаров, модель при этом характеризуется как частично одетая. Акцент делается на отдельных деталях внешности (например, если это реклама

колготок, то внимание телезрителя – на короткой юбке героини и стройных ногах).

Второй подтип группы является также узконаправленным в плане рекламируемого товара (как правило, это средства для ванной, гели для душа и т.д.), и, соответственно, акцент делается и на интерьере, в котором представлена героиня. Представительницы этой группы будут иметь иную степень одетости, то есть их одежду лучше рассматривать как «предполагаемую наготу»³.

Итак, если в образе «идеальной модели» используется главным образом ее лицо, то во второй группе образов акцент делается на эксплуатацию телесности, при этом используется, как правило, естественный макияж. Акцент на одежде, а не макияже как составляющей таких образов выступает ключевой характеристикой для группы «демонстрационных моделей». Такие различия в степени одетости выполняют двойную функцию. С одной стороны, они скрывают признаки нецивилизованной «дикой» сексуальности, с другой, – «вторая кожа» служит самохарактеристикой и оценкой себя и других. При этом женская одежда имеет иные функции, чем мужская, и оценивается по другим критериям.

Интересно отметить, что среди мужских персонажей нет аналога для «идеальной модели», поскольку для мужчин не является ведущей ценностью принадлежность к богеме благодаря внешности. В рекламе мужских дезодорантов используется вариация «демонстрационной модели». В таких роликах мужчина выполняет определенную деятельность (участие в спортивных соревнованиях, занятие экстремальным видом спорта и т.д.), для женщин же характерна деятельность без определенной цели.

Эти две группы объединяет функция образа-демонстрации товара, отсутствие или же однообразные эмоции, отсутствие

³ University of Delaware, Department of Communication. A study of Television Shows and Commercials, Movies, Music Videos, and Teen Magazine Articles and Ads [online] / University of Delaware, Department of Communication // Портал: Kaiser Family Foundation. [Обращение к документу: 24 мая 2006]. Доступ через: <<http://www.kff.org/entmedia/1260-gendr.cfm#intro>>

слов. Во всех трех случаях успех образа достигается главным образом за счет использования молодого привлекательного тела или лица, этим отчасти объясняется популярность именно образов молодых девушек, а не женщин.